

ISSN: 3033-6872

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

INTERDISCIPLINARY
SCIENTIFIC
JOURNAL

№ 1 / 2025

<https://intscijournal.com/>

Главный редактор журнала:

Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, юридический факультет, Гродно, Беларусь

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Акимжанов Талгат Курманович, доктор юридических наук, профессор, Университет «Туран», Алматы, Казахстан

Вейр Бриджит, доктор философии (Школа юстиции), Технологический университет Квинсленда, Брисбен, Австралия

Гумбатов Эльнур Акиф, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Дайшутов Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Есеналиев Аскат Ералиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

Крайнова Надежда Александровна, доктор юридических наук, кафедра уголовного права и процесса, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Ло Цзы-Ин, PhD (уголовное правосудие), Университет Сент-Джонс, Квинс, Нью-Йорк, США

Мелихов Александр Иванович, доктор юридических наук, факультет подготовки следователей, Волгоградская академия МВД РФ, Волгоград, Россия

Мещеряков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Наумов Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Никонов Павел Владимирович, доктор юридических наук, Иркутский юридический институт — филиал Университета прокуратуры РФ, Иркутск, Россия

Светличный Александр Алексеевич, доктор юридических наук, кафедра судебной экспертизы и таможенного дела, Тульский государственный университет, Тула, Россия

Сергеев Александр Леонидович, доктор юридических наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Соколова Елена Станиславовна, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Танимов Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Тараборин Роман Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кафедра теории и истории государства и права, Екатеринбург, Россия.

Тейлор Майкл П., доктор наук по безопасности, защите и благополучию, Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада

Харрисон Карен, PhD, профессор права и уголовного правосудия, Университет Линкольна, Линкольн, Великобритания

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Саратов, Россия

Эванс Салли М., кандидат на получение докторской степени, преподаватель судебной психологии, Институт здоровья населения Вольфсона, Лондонский университет королевы Марии, Лондон, Великобритания

Янь Ши, PhD in Criminal Justice, доцент Школы криминологии, Университет штата Аризона, Финикс, США

Ярмоц Елена, кандидат юридических наук, доцент, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, Полоцк, Беларусь

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул. Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: [https:// intscijournal.com/](https://intscijournal.com/)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90283

ISSN: 3033-6872

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Interdisciplinary Scientific Journal, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием

соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Interdisciplinary Scientific Journal» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Interdisciplinary Scientific Journal» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Khilyuta Vadim Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminal Law, Yanka Kupala State University of Grodno, Faculty of Law, Grodno, Belarus.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Akimzhanov Talgat Kurmanovich, Doctor of Laws, Professor, Turan University, Almaty, Kazakhstan

Weir Bridget, PhD, School of Justice, Queensland University of Technology, Brisbane, Australia

Gumbatov Elnur Akif, PhD in Law, Lecturer, UNESCO Chair “Human Rights and Information Law”, Baku State University, Baku, Azerbaijan

Daishutov Mikhail Mikhaylovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Yesenaliev Askat Eralievich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

Kraynova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Laws, Department of Criminal Law and Procedure, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Lo Tzu-Ying, PhD in Criminal Justice, St. John’s University, Queens, New York, USA

Melikhov Aleksandr Ivanovich, Doctor of Laws, Faculty of Investigator Training, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

Meshcheryakov Vladimir Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminalistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Naumov Vyacheslav Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Nikonov Pavel Vladimirovich, Doctor of Laws, Irkutsk Law Institute, Branch of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Svetlichny Aleksandr Alekseevich, Doctor of Laws, Department of Forensic Science and Customs Affairs, Tula State University, Tula, Russia

Sergeev Aleksandr Leonidovich, Doctor of Laws, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Sokolova Elena Stanislavovna, Doctor of Laws, Professor, Department of History of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Tanimov Oleg Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Taraborin Roman Sergeyevich, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Public Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Theory and History of State and Law, Yekaterinburg, Russia.

Taylor Micheal P., Doctor of Safety, Security and Wellbeing, Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada

Harrison Karen, PhD, Professor of Law and Criminal Justice, University of Lincoln, Lincoln, UK

Shoshin Sergey Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Saratov National Research State University, Saratov, Russia

Evans Sally M., Doctoral Researcher and Lecturer in Forensic Psychology, Wolfson Institute of Population Health, Queen Mary University of London, London, UK

Yan Shi, PhD in Criminal Justice, Associate Professor, School of Criminology and Criminal Justice, Arizona State University, Phoenix, USA

Yarmots Elena, PhD in Law, Associate Professor, Polotsk State University, Polotsk, Belarus

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: [https:// intscijournal.com/](https://intscijournal.com/)

Media registration number: No. FS77-90283

ISSN: 3033-6872

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Interdisciplinary Scientific Journal, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.4. Criminal law Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal " Interdisciplinary Scientific Journal " publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to " Interdisciplinary Scientific Journal " is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	8
Щербик Д. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАССИВНОЙ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА.....	8
Турсынкулова Д.А. К ВОПРОСУ О БАРЬЕРАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	19
Танимов О.В. СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ОБЯЗАННОСТЬ» И «ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА	32
Пиччирилли Дж. О ДВОЙСТВЕННОМ ПОНИМАНИИ ПРАВА НА ТРУД В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ	43
Никонова Н.Н. К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СИЛЕ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	54
5.1.4. Уголовно-правовые науки.....	65
Гормли Л. ПОНЯТИЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ... ..	65
Фаст О.Ф. ДИСКУССИЯ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ	78
Раджам Н. К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ.....	89
Белов В.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	100
Харевич Д.Л. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЗАДАЧА УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	111

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 342

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАССИВНОЙ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Щербик Дмитрий, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, dshcherb_mnsk@bk.ru

Аннотация

Реализация права может происходить не только в активной, но и в пассивной форме. Причём последняя обычно в деталях не регламентируется и не исследуется, что не означает её малой роли. Поэтому в статье уделяется внимание анализу основных её аспектов именно в теоретическом ключе. Раскрываются разные варианты определение понятия пассивной формы реализации права. Основной акцент при этом делается на соблюдении нормативных предписаний, которое, как правило, активных действий не предполагает. Отмечаются возможности рассмотрения пассивной формы реализации права как в широком, так и в узком смыслах; здесь автор находит обоснованными оба подхода. Внимания удостоивается и вопрос манипулирования юридическими целями и средствами в рамках реализации права, в том числе в пассивной форме. К актуальным проблемам темы автор относит вопрос равенства (неравенства) пассивной и активной форм реализации законного права, а также приравнивания пассивной формы реализации права к отказу от права (от реализации права), обосновывая при этом возможность решения вопроса в зависимости от специфики конкретной правовой ситуации.

Ключевые слова: активная реализация права, пассивная реализация права, реализация права, соблюдение законодательства, формы реализации права, юридически значимое поведение.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025, одобрена после рецензирования 21.05.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

ABOUT THE FEATURES OF THE PASSIVE FORM OF EXERCISING THE RIGHT

Dmitry Shcherbik, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The exercise of the right can take place not only in an active, but also in a passive form. Moreover, the latter is usually not regulated in detail and is not investigated, which does not mean its small role. Therefore, the article focuses on the analysis of its main aspects in a theoretical way. Different variants of the definition of the concept of passive form of right realization are revealed. The main emphasis is placed on compliance with regulatory requirements, which, as a rule, does not involve active actions. The author notes the possibility of considering the passive form of realization of the right in both broad and narrow senses; here the author finds both approaches justified. Attention is also paid to the issue of manipulating legal goals and means in the framework of the implementation of the right, including in a passive form. The author considers the issue of equality (inequality) of passive and active forms of realization of a legal right, as well as equating the passive form of realization of a right with the refusal of a right (from the realization of a right), while justifying the possibility of solving the issue depending on the specifics of a particular legal situation.

Keywords: active implementation of the right, passive implementation of the right, implementation of the right, compliance with the law, forms of implementation of the right, legally significant behavior.

Введение

Феномен пассивной реализации права (пассивной формы реализации права) нечасто становится предметом тщательного научного исследования, что, однако, не нивелирует его значимость. Пассивная форма реализации права зачастую оказывается даже более востребованной, нежели активная, хотя и не удостоивается пристального внимания со стороны законодателя.

В условиях отсутствия детального регулирования многие аспекты такой формы реализации права остаются не вполне понятными, и поэтому требуют более тщательного анализа.

Основная часть

Сперва есть необходимость уточнить правовой смысл понятий «реализация права» и «реализация правовых норм». В этом аспекте принципиально важно указанные понятия разграничивать. Реализация правовой нормы, как мы считаем, более широкое понятие, и им обозначается такое поведение субъекта права, которое воплощает (претворяет в жизнь) юридически значимые предписания (правомерное поведение) и практически отражает деятельность человека, связанную с осуществлением прав и (или) исполнением обязанностей. В каком-то смысле реализация нормы права есть непосредственный, закономерный итог правового регулирования, выражающийся в конкретном поведении [2, с. 48]. Иными словами, реализация правовой нормы может касаться как прав, так и обязанностей, в том числе связанных с соблюдением запретов.

Что же касается реализации права, то это понятие может рассматриваться как более узкая или же как синонимичная категория в сравнении с реализацией правовых норм. Если под словом «право» понимать законодательство в целом и все то, что относится к правовому регулированию, то вполне возможно реализацию права рассматривать как синоним реализации правовых норм. Если же под правом подразумевать именно субъективное право, которым наделяется индивид, то в таком случае реализация права есть более узкое понятие. Что же

касается пассивной формы, то акцент здесь делается в основном именно на субъективной реализации права.

Изложенное может быть применено практически к любой сфере общественной жизни. Если же подразумевать, например, сферу конституционного законодательства, то уместно конкретизировать принадлежность права к категории конституционных. И в таком случае реализация права будет сводиться не столько к реализации нормативных установлений, сколько к практическому воплощению конституционных идей [5, с. 280].

Сомнения в том, что реализация права может быть и в активной, так и в пассивной формах, нет. Об этом пишется и в научной литературе. В частности, О.В. Белянская отмечает указанные формы. При этом пассивную форму она характеризует как основанную, преимущественно, на пользовании благами, которые от личности неотделимы, а обладание самим правом характеризует как стадию реализации права, совпадающую с пользованием. Что касается активной формы, то она отличается зависимостью от проявлений личностью активности, причём именно юридически значимой. Важнейшей же составляющей называется сознательно-волевое поведение индивида, который своей активностью создаёт юридические факты, необходимые для правореализационных правоотношений [1, с. 14–15].

Профессорами С.В. Бошно и А.В. Шевченко особое внимание сосредоточено на соблюдении как одной из форм реализации права, которая соответствует нормативно установленным запретам. Специфику же такой формы они усматривают в пассивности поведения субъекта правоотношений, которая, в свою очередь, выражается в несовершении действий, запрещённых юридическими нормами, то есть в пассивном выполнении обязанностей [2, с. 49].

То есть в данном случае соблюдение фактически рассматривается в качестве синонима пассивной формы реализации права. И в этом есть своя логика. Однако в полной мере отождествлять соблюдение, как форму реализации

права, именно с пассивной формой реализации права, в целом вряд ли возможно. Думается, что соблюдение в отдельных случаях может быть осуществлено и при наличии активных действий в контексте одних и тех же юридически значимых общественных отношений. Особенно это касается тех случаев, когда имеют место активные действия по реализации права при наличии достаточно жёстких ограничений или запретов. В таком случае индивид, реализуя право путём совершения активных действий, должен придерживаться определённых рамок, не нарушая те или иные нормы. В связи с этим соблюдение определённых запретов именно при совершении активных действий может реализовываться и в активной форме.

Соблюдение как один из вариантов пассивной реализации субъективного права, тоже имеет место быть. К примеру, гражданин имеет право отказаться от дачи показаний против себя и своих родственников, в том числе и не совершая каких-либо действий. Соответственно, отказ им может быть выражен как активно, путём заявления о соответствующем праве, так и пассивно, без соответствующего заявления о данном праве, поскольку такое право не может быть поставлено под сомнение вне зависимости от того, заявил ли индивид о желании воспользоваться им. В этой связи разумно говорить о соблюдении индивидом норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, поскольку даже пассивно отказываясь от дачи показаний, он чего-либо не нарушил и уже исходя из этого в его пассивности усматривается соблюдение закона. Хотя, конечно, в большинстве случаев соблюдение рассматривается в контексте обязанностей и запретов, а не в контексте субъективного права.

В числе способов или форм реализации права находится и правоприменение, которое обычно рассматривается именно в контексте активных действий. Более того, в литературе указывается на невозможность осуществления правоприменения посредством бездействия, то есть в пассивной форме [2, с. 51].

Согласиться с такой позицией можно только отчасти, особенно с учётом того, что любое понятие, в том числе и понятие правоприменения, может быть истолковано и в узком, и в широком смыслах. Соответственно, при рассмотрении правоприменения в широком смысле будет очевидна исключительная активность субъекта правоприменения, в том числе выраженная в подготовке конкретных юридических документов, принятии юридически значимых решений, имеющих конкретное выражение в материальном мире. Однако, не исключены отдельные случаи, когда в рамках правоприменения имеет место бездействие. С абсолютной уверенностью можно заявить, что любое бездействие в рамках активной правоприменительной деятельности можно рассмотреть как проявление пассивной формы правоприменения, особенно в тех случаях, когда речь идёт о воздержании от совершения определённых действий. Сомневаться в том, что в рамках правоприменительной деятельности может иметь место и некоторая пассивность, не приходится. Игнорирование тех или иных нормативных предписаний, указаний со стороны вышестоящих инстанций, молчаливый отказ от принятия конкретных мер, когда такие меры требуются, - все это есть пассивная форма реализации права именно в контексте правоприменительной деятельности.

Проблема раскрытия сущности пассивной реализации права соседствует с проблемой правовой оценки отказа от субъективного права (от реализации субъективного права). А.С. Гамбарян, характеризуя такой феномен, указывает на отсутствие желания у субъекта реализовать своё право либо же отказ от защиты такого права посредством тех или иных действий [3, с. 30]. Считаем, что такой взгляд имеет право на существование, он определённо обоснован.

В контексте такого подхода соответствующий отказ может быть реализован путём:

- отказа от реализации субъективного права;
- отказа от права;
- дачи согласия на вмешательство;

- совершения неправомерного деяния [3, с. 30].

Последний вариант выглядит крайне сомнительным, поскольку индивид явно не имеет намерений отказаться от своего права или возможности его реализации. Лишение или ограничение соответствующего права в таком случае происходит как правило, вопреки его воле уже в рамках реализации ответственности.

В любом случае обладающий правом субъект имеет свободу в разрешении вопроса, касающегося реализации своего права [3, с. 30]. В этом можно усмотреть явное или неявное волеизъявление, поэтому и пассивную форму реализации права есть все основания рассматривать в качестве волеизъявления.

Представляется спорным утверждение о том, что отказ от реализации субъективного права не способен повлечь неблагоприятные последствия для обладателей соответствующего права. Де-юре субъект действительно не может быть привлечён к ответственности за то, что от такого права отказался, во всяком случае, по общему правилу. Однако, де-факто неиспользование гражданином своего права и пассивный отказ от него может быть чреват негативными последствиями во многих случаях [3, с. 30]. Но такие последствия являются лишь косвенным итогом отказа от реализации права. Например, право хранить молчание при задержании прямых негативных юридических последствий не несёт, однако в некоторых ситуациях такой подход может ослабить позиции подозреваемого или обвиняемого при защите его интересов в рамках, например, уголовного судопроизводства или производства по делам об административных правонарушениях. Поэтому ненаказуемый отказ от реализации права может стать косвенной причиной нарушения прав субъекта.

Пассивной форме реализации права присущи некоторые особенности, характерные активной реализации права, например, манипулирование юридическими целями или средствами. На это указывает, в частности, М.А. Куликов [5, с. 17]. Такого рода случаи могут иметь место при соблюдении

запретов, если таковое влечёт причинение ущерба другим субъектам правоотношений, хотя и остаётся в пределах законности.

В литературе подчёркивается универсальный характер пассивной формы реализации права, что означает доступность практически для любого субъекта в том или ином варианте [6, с. 69]. Более того, она является и всеохватывающей, то есть в различной степени может быть присуща практически любым правоотношениям, связанным с реализацией права [7, с. 20].

Интересен подход С.А. Мельникова в другом: характеризуя пассивную форму реализации права, он отмечает также соблюдение запретов, установленных действующим законодательством, и пользование личностными свободами, правами, благами [6, с. 70]. Но если такого подхода придерживаться, то уместно задаться вопросом о том, что же подразумевает под собой пользование соответствующими свободами, правами и благами и в чем оно должно или может выражаться? Очевидно, что в случае пассивной формы имеется в виду и пассивное использование. Если же использование активное, то уместно говорить об активной форме реализации права.

Нельзя не согласиться О.В. Пискуновой в признании тесной и даже неразрывной связи между активной и пассивной формами реализации права. Чаще всего эти формы сочетаются друг с другом, что, однако, не означает невозможности их самостоятельного исследования [8, с. 112].

Уместно затронуть вопрос равенства пассивной и активной форм реализации законного права. Хотя такая проблематика обычно не возникает в рамках судебной практики, не исследуется в литературе, она представляет некоторый интерес, по крайней мере с теоретической точки зрения. Это важно хотя бы из того, что пассивное поведение может рассматриваться совершенно по-разному в одной и той же ситуации. С одной стороны, пассивная форма реализации права может пониматься как вполне осознанный выбор индивида, использование им своих правомочий, выражающихся именно в возможности воздержания от тех или иных действий и (или) решений активного характера.

Одновременно с этим, пассивное поведение может быть рассмотрено и как отказ от реализации права. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, насколько уместно рассматривать пассивное поведение гражданина именно в качестве отказа от реализации своего права? Думается, что применительно к каждой из ситуаций данный вопрос может решаться совершенно по-разному.

В контексте равенства активной и пассивной формы реализации права уместно коснуться таких понятий, как деяние, которым охватывается и действие (активное поведение), и бездействие (пассивное поведение). Они могут быть как отдельными, так и в сочетании [9, с. 273]. То есть в зависимости от конкретной ситуации и действия, бездействие могут быть расценены как равнозначные юридические факты. Исходя из этого, приходим к закономерному выводу о фактическом равенстве как пассивной, так и активной реализации права.

Заключение

Таким образом, пассивная форма реализации права есть форма, в полной мере равнозначная активной форме реализации права, но отличающаяся тем, что субъект правоотношения, носитель субъективного права воздерживается от совершения активных действий, предпочитая тому юридически значимое бездействие.

Пассивная реализация права не может в полной мере отождествляться с отказом от реализации права, ведь бездействие не означает, что субъект отказался от реализации своего права вообще. И в этой связи отказ от совершения тех или иных действия по активной реализации права тоже является своего рода волеизъявлением относительно права.

Соблюдение правовых предписаний, которое обычно рассматриваются в качестве пассивной формы реализации права, таковым де-факто является не всегда. Ведь и в рамках совершения активных действий, направленных, например, на реализацию права, когда не допускается нарушений, соблюдение норм права тоже присутствует в определённой степени.

В рамках правоприменительной деятельности, обычно рассматриваемой как исключительно активной, пассивная форма реализации права тоже присутствует, однако на фоне постоянной активности субъекта правоприменения, как правило, не замечается.

Список литературы

1. Белянская О.В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов 2003. 28 с.
2. Бошно С.В., Шевченко А.В. Реализация права. Правоприменение // Право и современные государства. 2023. № 5. С. 47–58.
3. Гамбарян А.С. Пассивное поведение (бездействие): использование субъективного права или отказ от реализации субъективного права // LEX RUSSIA. 2019. № 2 (147). С. 29–40.
4. Кузнецов А.А., Бережная Е.О. Проблема реализации прав и свобод человека и гражданина в России // Наукосфера. 2022. № 3-1. С. 279–282.
5. Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе реализации права: понятие, содержание, результаты // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4(35). С. 12–19.
6. Мельников С.А. К вопросу о формах реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 68–72.
7. Пискунова О.В. Соблюдение как непосредственная форма реализации права // Право. Законодательство. Личность. 2023. № 1(36). С. 18–22.
8. Пискунова О.В. Формы реализации права: дискуссионные вопросы общетеоретической трактовки // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 110–113.
9. Чеговадзе Л.А., Дерюгина Т.В. Действия по реализации гражданского права в форме использования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 268–280.

References

1. Belyanskaya O.V. Mexanizm neposredstvennoj realizacii prav i svobod lichnosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov 2003. 28 s.
2. Boshno S.V., Shevchenko A.V. Realizaciya prava. Pravoprimerenie // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. 2023. № 5. S. 47–58.
3. Gambaryan A.S. Passivnoe povedenie (bezdejstvie): ispol`zovanie sub`ektivnogo prava ili otkaz ot realizacii sub`ektivnogo prava // LEX RUSSIA. 2019. № 2 (147). S. 29–40.
4. Kuznecov A.A., Berezhnaya E.O. Problema realizacii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii // Naukosfera. 2022. № 3-1. S. 279–282.
5. Kulikov M.A. Manipulirovanie juridicheskimi celyami i sredstvami v processe realizacii prava: ponyatie, sodержanie, rezul`taty` // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022. № 4(35). S. 12–19.
6. Mel`nikov S.A. K voprosu o formax realizacii prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2015. № 6 (107). S. 68–72.
7. Piskunova O.V. Soblyudenie kak neposredstvennaya forma realizacii prava // Pravo. Zakonodatel`stvo. Lichnost`. 2023. № 1(36). S. 18–22.
8. Piskunova O.V. Formy` realizacii prava: diskussionny`e voprosy` obshheteoreticheskoy traktovki // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2020. № 3. S. 110–113.
9. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. Dejstviya po realizacii grazhdanskogo prava v forme ispol`zovaniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2022. Vy`p. 56. С. 268–280.

Научная статья

УДК 004.032.26, 342.537

К ВОПРОСУ О БАРЬЕРАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Турсынкулова Динара Ахановна, к.ю.н., старший преподаватель,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы,
Казахстан, dinaratura@mail.ru**

Аннотация

Цель статьи – выявление барьеров использования нейросетей в правотворческой деятельности и их анализ в научно-теоретическом аспекте, но с учётом действующего российского законодательства. Для ее достижения в статье кратко раскрывается понятие нейросетей, отмечается высокий уровень их развития и некоторые основные возможности использования в решении задач правотворческого характера. Выделяются некоторые барьеры, которые препятствуют повсеместному внедрению нейросетей в правотворческую практику. Основные ограничения автор связывает с нормами Конституции РФ, декларирующими народ в качестве источника власти. По мнению автора, использование нейросети при разработке законопроектов способно поставить под сомнение принадлежность власти народу. Другой барьер связывается с необходимостью ориентации правовых норм на нравственные и иные нематериальные ценности, которые нейросеть, как математическая система, учесть не способна. Другой этический барьер связывается с делегированием народом властных полномочий отдельным его представителям в силу их личных качеств, способности и готовности решать государственные и общественные проблемы. При таком условии генерирование и обоснование нейросетью правотворческих идей рассматривается как неэтичное. Тем не менее, автор полностью не отрицает возможности использования нейросети в правотворческой деятельности, особенно в рамках экспертиз нормативных

правовых актов, приходя к выводу о допустимости лишь жестко ограниченного применения таких средств.

Ключевые слова: возможности нейросетей, искусственный интеллект, источник права, нейросеть, правотворческая деятельность, риски использования нейросетей, этика правотворчества.

Статья поступила в редакцию 03.05.2025, одобрена после рецензирования 11.06.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

ON THE ISSUE OF BARRIERS TO USING NEURAL NETWORKS IN LAW-MAKING ACTIVITIES

Tursynkulova Dinara Akhanovna, Candidate of Law, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The purpose of the article is to identify barriers to the use of neural networks in law-making activities and analyze them in the scientific and theoretical aspect, but taking into account the current Russian legislation. To achieve this goal, the article briefly reveals the concept of neural networks, notes the high level of their development and some of the main opportunities for using them in solving law-making problems. There are some barriers that prevent the widespread introduction of neural networks into law-making practice. The author associates the main restrictions with the norms of the Constitution of the Russian Federation, which declare the people as a source of power. According to the author, the use of a neural network in the development of draft laws can cast doubt on the ownership of power to the people. Another barrier is associated with the need to focus legal norms on moral and other intangible values, which the neural network, as a mathematical system, is not able to take into account. Another ethical barrier is associated with the delegation of power by the people to their

individual representatives due to their personal qualities, ability and willingness to solve state and public problems. Under this condition, the neural network's generation and justification of law-making ideas is considered unethical. Nevertheless, the author does not completely deny the possibility of using the neural network in law-making activities, especially in the framework of expertise of regulatory legal acts, coming to the conclusion that only strictly limited use of such tools is permissible.

Keywords: opportunities of neural networks, artificial intelligence, source of law, neural network, law-making activity, risks of using neural networks, ethics of law-making.

Введение

Нейросети (нейронные сети), являющиеся результатами реализации технологий искусственного интеллекта [4, с. 143], способные имитировать работу человеческого мозга [2, с. 576], к настоящему времени достигли уровня развития, обеспечивающего возможность выполнения довольно широкого круга интеллектуальных задач во многих сферах деятельности без участия человека или же при минимальном его участии. И юриспруденция стала одной из сфер, в которых применение нейросетей получило значительное распространение.

В то же время многие вопросы практического применения нейросетей в юриспруденции остаются крайне спорными. Среди них особо выделяются вопросы правотворческой деятельности как сферы возможного применения нейросетей, где потенциал крайне высок. Его реализации, однако, препятствует множество барьеров, преимущественно, носящих правовой характер.

Выявление и анализ подобных барьеров в научно-теоретическом аспекте, но с учётом действующего российского законодательства – цель настоящей статьи.

Основная часть

В области правотворчества потенциал нейросетей может быть реализован при решении множества задач, в том числе, при:

- подготовке пояснительной записки проекта нормативного правового акта (далее – НПА);
- социально-экономическом обосновании;
- идентификации возможных правовых коллизий;
- выявлении ошибок технического характера в тексте нормативного правового акт (далее – НПА) [3, с. 135].

Сказанное отражает наличие определённых аргументов в пользу внедрения нейросетей в правотворческий процесс. Однако, такому внедрению препятствует существенный барьер – отсутствие единства взглядов на вопрос правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта [5, с. 40].

Изложенное представляется справедливым и применительно к России, и применительно к другим государствам. Все это не позволяет выработать некий общий подход, который мог бы быть применим если не во всех, то, во всяком случае, во многих государствах, как, например, подход к регулированию традиционного законодательного процесса. Очевидно, что в этих условиях представляется не популярной и практика заимствования положительного зарубежного опыта, а также его широкое распространение по миру.

Парадоксально, но интерес отечественных исследователей к проблематике использования технологий искусственного интеллекта в правотворческом, особенно законодательном процессе, относительно мал [3, с. 134]. То есть сама по себе проблема внедрения нейросетей в правотворческий процесс даже на научном уровне разработана недостаточно. И в этих условиях нейросети не могут стать значимой составляющей правотворчества на высшем уровне.

Есть и некоторые косвенные барьеры, обусловленные нормами Конституции РФ [1]. Так, ст. 3 в качестве единственного источника власти провозглашается многонациональный народ России, который свою власть реализует непосредственно, а также опосредованно – через органы государственной власти и местного самоуправления. И хотя в данной статье не

содержится запретов в плане организации правотворческого процесса, прямое указание на народ, как источник власти, означает, что именно он правомочен осуществлять законодательное регулирование, в том числе в лице представительных органов. Поэтому использование нейросетей, даже в рамках решения отдельных, но значимых законотворческих идей, способно поставить под сомнение указанную норму, что конечно нельзя считать допустимым. Поэтому рассмотренная норма вполне закономерно может расцениваться как некоторое косвенное препятствие для внедрения нейросетей в законотворческий процесс.

При обсуждении возможностей применения нейросетей в правотворческом процессе возникают и другие спорные вопросы. В частности, не вполне понятно, каким именно образом должно обеспечиваться соответствие разрабатываемых при помощи нейросетей норм устоявшимся в обществе нравственным ориентирам? А ведь именно нравственность, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, относится к тем ценностям, необходимостью защиты которых могут обосновываться ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Вопрос нравственности актуализируется и в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, согласно которой, нравственное развитие детей находится в числе приоритетов российской государственной политики. В связи с этим появляется вопрос о том, насколько нейросеть, генерирующая правотворческие идеи и формулирующая конкретные правовые нормы, будет способна указанный нюанс учесть?

Помимо нравственности, Основной Закон страны содержит упоминание и многих других ценностей нематериального характера, которые вряд ли могут быть переняты и учтены нейросетью, основанной на определенных математических алгоритмах, в качестве неких обязательных ориентиров, подлежащих учёту в правотворческом процессе.

Ни в России, ни за рубежом, где подобные ценности тоже признаются в том или ином виде, ответы на указанные вопросы пока не найдены. Отсюда и весьма ограниченное использование технологий искусственного интеллекта и

нейросетей, в частности, в правотворческом процессе на уровне высших органов власти.

С учётом изложенного, нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают обязательным условием применения нейросети для разработки НПА сохранение в качестве ответственного субъекта соответствующего лица, наделённого нормотворческими полномочиями, закрепление за ним обязанности проверять результат генерации нейронной сетью текста НПА [2, с. 577]. В таком случае речь может вестись только о том, чтобы некоторую часть задач уполномоченные на осуществление правотворческих функций лица выполняли при помощи нейросети, когда последняя является лишь вспомогательным инструментом, но никак ни средством, позволяющим заменить человека в качестве автора (разработчика) НПА. Очевидно, что применение нейросети в указанном контексте означает стремление к сокращению трудозатрат в ходе правотворческой работы.

Возможно, такое применение поможет минимизировать и некоторые негативные эффекты так называемого человеческого фактора. Но в любом случае, ответственным за конечный результат правотворчества должен оставаться человек.

Один из возможных вариантов использования нейросетей в рамках правотворческой деятельности связывается с разработкой подзаконных НПА в целях исполнения вновь принятых законов. В таком случае в целом задача подзаконного регулирования оказывается отчасти упрощённой [2, с. 577-578]. Однако и здесь имеют место ограничения, во многом схожие с теми, о которых говорилось ранее, ведь подзаконный правовой акт зачастую имеет тот же характер, что и акт законодательный. Более того, уточнение содержания законодательных норм и регламентация порядка их применения зачастую оказывается гораздо более сложной задачей, нежели разработка закона, который условно может носить рамочный характер.

С учётом сказанного, более вероятным и необходимым вариантом применения нейросетей в правотворческой деятельности видится проведение с их помощью экспертизы уже принятых НПА либо подлежащих принятию проектов НПА [2, с. 578]. Причём такая экспертиза может касаться как законодательных, так и подзаконных НПА (проектов НПА).

В качестве одного из вариантов использования нейросети для целей правотворчества в литературе выделяется и формулирование в автоматическом режиме предложений о принятии новых НПА или о внесении изменений и дополнений в уже действующие НПА, причём с учётом обсуждений гражданами соответствующих правотворческих инициатив [2, с. 578]. Считаем, что это наиболее спорный вариант использования нейросетей по ряду причин.

Разрабатывая тот или иной НПА, человек, так или иначе, учитывает возможности понимания закрепляемых норм, возможности и удобства их практического применения. Более того, нельзя не признать и учитываемый аспект целесообразности: не каждые общественные отношения целесообразно регламентировать нормативно, так как практически любая норма прямо или косвенно предполагает возложение на кого-либо обязанностей, ответственности, ограничивает в определённой степени свободу. И по этой причине субъекты правотворческой деятельности стремятся достичь определенного баланса интересов личности, общества, государства, в том числе путем оставления некоторых аспектов общественных отношений без детального регулирования, что сохраняет возможность действия (бездействия) по своему усмотрению.

Вопрос внедрения нейросетей в правотворческий процесс, можно полагать, в обозримой перспективе будет оставаться весьма спорным, затруднительным для решения и по ряду других причин. Так, сложно представить, что нейросеть сможет давать адекватную оценку целесообразности правовой регламентации многих аспектов общественных отношений, остающихся неурегулированными. Одновременно с этим она может генерировать и неограниченное количество нормотворческих идей, но все идеи

не могут стать предметом рассмотрения в органах власти и даже предметом общественного обсуждения.

С другой стороны, такие возможности могут отчасти позволить устранить многие недостатки традиционного правотворческого процесса, для которого свойственна длительность.

В любом случае барьеры, ограничивающие применение нейросетей в правотворческом процессе, настолько значимы, что не вызывает никаких сомнений, что и процесс обсуждения вопросов регламентации использования нейросетей в законотворческом процессе на высшем уровне может занять годы [4, с. 145]. Хотя нельзя исключить и принятия каких-либо поспешных решений.

Не может быть снят с повестки и вопрос определения субъекта, осуществляющего волеизъявление при правотворчестве. В рамках традиционного правотворческого процесса таковым субъектом выступает либо сам народ, либо уполномоченные им органы и (или) должностные лица. Причем они остаются ответственными не только за результаты нормотворческой деятельности, но во многом и за выдвижение конкретных идей. Такая ответственность не всегда носит сугубо юридический характер; зачастую, она является политической, социальной, моральной, так или иначе выражаясь в общественной поддержке или критике (со стороны общества (электората), государства, государственных, политических, общественных деятелей). В таких условиях наделённый властью индивид или коллективный орган, уполномоченный на правотворчество, в определённой степени стремится удовлетворять ожидания электората или иных значимых субъектов (руководства партии, парламентского большинства, главы государства и пр.). Такая особенность присуща исключительно человеку. И очевидно, что в таком случае имеют место определённые социальные ориентиры, в том числе морально-нравственные.

Если же в качестве источника идей будет использоваться нейросеть, то сохранение указанных социальных ориентиров окажется под вопросом, в том числе и ввиду неопределенности субъекта, на которого можно было бы возложить ответственность. Очевидно, что за нормативное регулирование ответственность не может быть возложена исключительно на носителя искусственного интеллекта, коим является нейросеть. Поэтому любые политически значимые решения, так или иначе, возлагаются на соответствующих представителей власти, имеющих таковой статус в силу избрания или назначения на должность, обусловленного личными, профессиональными, социальными, политическими качествами, достижениями, намерениями.

Иными словами, поддержка в пользу того или иного представителя власти, допущенного к участию в законотворческой деятельности, обуславливается его личной способностью и готовностью предложить и реализовывать (во взаимодействии с другими представителями власти и народом) те идеи, которые необходимы государству и социуму. В случае же, когда такого рода идеи будут генерироваться нейросетью, а сами члены законодательных органов будут лишь представлять их для рассмотрения, закономерно возникнет вопрос о том, достоин ли каждый из представителей законодательных органов присвоенного ему высокого властного статуса. Конечно, это вопрос этичности [8, с. 79], размышление над которым заставляет прийти к выводу о неприемлемости использования нейросети как полноценного источника правотворческих идей.

Весьма спорным является и вопрос целесообразности применения нейросетей в решении некоторых других специальных задач правотворческой деятельности, особенно с ориентацией на традиционный законотворческий процесс, включающий в себя, в том числе, официальное обсуждение идеи, внесение предложений и замечаний относительно предложенного проекта, голосование (поддержка или отклонение проекта) [6, с. 228–230].

Предполагается, что члены законодательного органа, рассматривая тот или иной законопроект, высказывают собственную позицию, во многом обусловленную опорой на интересы и ожидания электората, а также на собственное видение проблемы. В таких процедурах достигается и определённый консенсус. И именно в этом состоит суть демократии. Иными словами, индивид, наделённый законотворческой властью, совершая волеизъявление от своего лица, представляет интересы своего народа и (или) политической партии (части народа). В случае же, когда в нормотворческий процесс будут интегрированы нейросети, значимость соответствующего обсуждения может быть вовсе нивелирована. Уместно ли это? Полагаем, что в условиях демократического государства и общества не уместно. Думается, что депутаты и сенаторы, обсуждая законотворческие идеи, должны ориентироваться на собственную позицию, на ожидания представляемых ими фракций, электората, но ни в коем случае не на «позицию нейросети». В этом тоже видятся этические барьеры.

В литературе отмечаются и некоторые другие слабые стороны нейросетей, которые потенциально могут быть источниками угроз даже в рамках правотворческой деятельности. В частности, отмечается непрозрачность и отсутствие объяснимости их решений: такие решения обуславливаются сложными нейросетевыми алгоритмами и, зачастую, не поддаются человеческому пониманию. Кроме того, нейросеть оперирует весьма ограниченным спектром знаний, причём в определённом контексте, там, где информация структурирована и может быть представлена и использована в рамках чётких алгоритмов [7, с. 217].

Указанные недостатки нейросети, по мнению автора, носят не временный характер; они в принципе неискоренимы в обозримой перспективе. В обоснование этого тезиса приведём в пример необходимость учёта нравственных ориентиров, которые приняты в обществе. В данном случае не так важно, о каких именно нравственных ориентирах идёт речь; основная суть в том, что

нравственность не может поддаваться отражению в математических алгоритмах, на которых построены нейросети. И если решение человека является понятным другим представителям социума, то решение, сгенерированное нейросетью, и его логика, понятна человеку вряд ли может быть, особенно если ориентироваться именно на такие нематериальные ценности.

Ограниченность данных тоже вряд ли стоит сбрасывать со счетов. Нейросеть оперирует лишь той информацией, которая доступна для неё. Соответственно, контекст конкретного исторического этапа, контекст жизненного опыта, контекст ожиданий электората вряд ли может быть учтён. В конечном итоге большинство проблем и соответствующих ограничений использования нейросетей в правотворческом процессе сводится к вопросу этичности [8, с. 79], который не представляется возможным решить таким образом, чтобы нейросеть стала полноценным инструментом, позволяющим создавать правовые нормы для регламентации поведения человека.

Заключение

Уровень развития нейросетей позволяет их использовать в правотворческой деятельности, однако в целом делегирование правотворческих задач нейросетям остаётся крайне рискованным. Такие системы, будучи основанными на математических алгоритмах, вряд ли способны обеспечить учет морально-нравственных ценностей в рамках правового регулирования.

Другой барьер связан с вопросом принадлежности власти и её реализацией. Передача определённых правотворческих задач нейросети, в частности задачи формирования правотворческих идей или подготовки позиции для обоснования идеи в ходе обсуждения в законодательном органе, способна поставить под сомнение не только наличие реальной власти у соответствующего субъекта, но и породить вопрос о том, насколько такой субъект достоин быть представителем народа во властных структурах.

Изложенное обосновывает допустимость лишь жестко ограниченного использования нейросетей в рамках правотворческой деятельности. И очевидно, что данная проблематика требует более основательных научных исследований.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Бодакова О.В., Ганжуров А.А. Правовые и прикладные аспекты использования нейронных сетей при проектировании правовых актов // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 576–578.
3. Емельянцеv А.Э. Перспективное использование нейронных сетей в законотворчестве и их влияние на обеспечение прав и свобод человека // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 134–137.
4. Киселев А.С. Проблемы и перспективы правового регулирования общественных отношений, связанных с применением нейросетей // Lex Russica. 2024 Т. 77 № 2 С. 140–151.
5. Крупнова Т.Б. Проблемы обеспечения и защиты свободы волеизъявления субъекта правотворчества в эпоху цифровых трансформаций и искусственного интеллекта // Московский юридический журнал. 2022. № 1. С. 39–49.
6. Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации: монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 324 с.
7. Рыжаков Р.М., Квартникова О.А. Правовые риски использования нейросетей в юридической деятельности // Право и суд в современном мире : Мат-лы студ. науч.-практ. конф. (г. Хабаровск, 22 апреля 2025 г.). Хабаровск: РГУП им. В.М. Лебедева, 2025. С. 216–218.

8. Филипова И.А. Нейросети: применение, вопросы этики и права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 76–81.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Bodakova O.V., Ganzhurov A.A. Pravovy`e i prikladny`e aspekty` ispol`zovaniya nejronny`x setej pri proektirovanii pravovy`x aktov // Yuridicheskaya texnika. 2024. № 18. S. 576–578.
3. Emel`yancev A.E`. Perspektivnoe ispol`zovanie nejronny`x setej v zakonotvorchestve i ix vliyanie na obespechenie prav i svobod cheloveka // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2023. № 9. S. 134–137.
4. Kiselev A.S. Problemy` i perspektivy` pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij, svyazanny`x s primeneniem nejrosetej // Lex Russica. 2024 T. 77 № 2 S. 140–151.
5. Krupnova T.B. Problemy` obespecheniya i zashhity` svobody` voleiz``yavleniya sub``ekta pravotvorchestva v e`poxu cifrovyy`x transformacij i iskusstvennogo intellekta // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 1. S. 39–49.
6. Rummyancev M.B. Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: monografiya. Cheboksary`: ID «Sreda», 2019. 324 s.
7. Ry`zhakov R.M., Kvartnikova O.A. Pravovy`e riski ispol`zovaniya nejrosetej v yuridicheskoy deyatel`nosti // Pravo i sud v sovremennom mire : Mat-ly` stud. nauch.-prakt. konf. (g. Xabarovsk, 22 aprelya 2025 g.). Xabarovsk: RGUP im. V.M. Lebedeva, 2025. S. 216–218.
8. Filipova I.A. Nejroseti: primenenie, voprosy` e`tiki i prava // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. T. 23, № 4. S. 76–81.

Научная статья

УДК 340.11

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ОБЯЗАННОСТЬ» И «ОБЯЗАТЕЛЬСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

**Танимов Олег Владимирович, к.ю.н., доцент, Московский
государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия, tborodsc_krd@yandex.ru**

Аннотация

Категории «обязанность» и «обязательства», являющиеся фундаментальными в рамках теории государства и права, затрагивают практически все сферы общественных правоотношений, чем определяется особая роль этих категорий и в теоретическом, и в практическом плане. Однако в науке единообразный подход к пониманию этих понятий отсутствует. То же самое можно сказать и о законодательстве, где содержание данных категорий ни в общеправовом, ни в узком смысле не определено с должной степенью точности. При этом выделяются три подхода к рассмотрению данных понятий, анализируемые в статье: обязанность рассматривается как часть обязательства; обязательство рассматривается как часть обязанности; также данные категории понимаются как равнозначные. Автор придерживается последнего подхода, представляя своё обоснование. Одновременно с этим в статье отмечается и допустимость применения других подходов, для обеспечения удобства правового регулирования. В этом случае обязательства рассматриваются именно как определённые правоотношения (комплекс правоотношений), предполагающие в том числе и наличие обязанностей. Тем не менее, различия между обязанностью и обязательством, по мнению автора, всегда остаются неконкретными и условными, в том числе ввиду использования и применительно к обязанности, и применительно к обязательству такого понятия, как «обязан» (совершить или не совершать определённые действия).

Ключевые слова: гражданско-правовое обязательство, долженствование, категории теории государства и права, обязанность, обязательство, юридическая терминология

Статья поступила в редакцию 30.04.2025, одобрена после рецензирования 01.06.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

CORRELATION OF THE CATEGORIES "DUTY" AND "OBLIGATION" IN THE MODERN THEORY OF LAW

Oleg Tanimov, Candidate of Law, Associate Professor, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), Moscow, Russia

Abstract

The categories of "duty" and "obligations", which are fundamental in the framework of the theory of state and law, affect almost all spheres of public legal relations, which determines the special role of these categories both in theoretical and practical terms. However, there is no uniform approach to understanding these concepts in science. The same can be said about legislation, where the content of these categories is not defined with the proper degree of accuracy either in the general legal or narrow sense. At the same time, there are three approaches to the consideration of these concepts analyzed in the article: the obligation is considered as part of the obligation; the obligation is considered as part of the obligation; and these categories are also understood as equivalent. The author follows the latter approach, presenting his justification. At the same time, the article also notes the permissibility of using other approaches to ensure the convenience of legal regulation. In this case, obligations are considered precisely as certain legal relations (a set of legal relations), including the existence of obligations. Nevertheless, the differences between duty and obligation, according to the author, always remain vague and conditional, including due to the use of such a

concept as "duty" (to perform or not to perform certain actions) in relation to both duty and obligation.

Keywords: civil law obligation, ought, categories of the theory of state and law, duty, obligation, legal terminology

Введение

«Обязанность» и «обязательство» выступают одними из фундаментальных категорий теории государства и права. Об их особой роли свидетельствует тот факт, что значительная часть законодательных актов содержит упоминания об обязанностях и (или) обязательствах. То есть это неотъемлемая часть общественных правоотношений.

К сожалению, содержание указанных категорий в законодательстве не уточнено. В научной же литературе подходы к их трактовке разнятся, в том числе и в части определения их соотношения друг с другом. Поэтому определение правового смысла каждой из перечисленных категорий представляет большой научный интерес. При этом нельзя отрицать, что и с точки зрения решения практических проблем выбранная тема тоже представляется значимой.

Основная часть

Вопрос, касающийся трактовки рассматриваемых категорий, в целом носит общетеоретический характер, а потому может быть рассмотрен в контексте практически любой отрасли права (законодательства). Однако стоит сказать, что об обязательствах чаще всего говорится именно в контексте гражданского права, а потому именно эту отрасль законодательства уместно затронуть в первую очередь.

П. 1 ст. 307 ГК РФ [1] гласит, что в силу обязательства одно лицо, именуемое должником, обязано совершить в пользу другого лица, именуемого кредитором, определённые действия, а именно передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить

деньги и т.п., либо воздержаться от определённого действия, а кредитор, в свою очередь, имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Исходя из этого усматривается определённое долженствование, как некая основа обязательства. Более того, очевидным представляется и наличие соответствующей юридической взаимосвязи между двумя субъектами правоотношений. Причем само обязательство вполне можно рассматривать как общественное правоотношение. И в данном случае имеет место именно правоотношение гражданско-правовой природы.

В п. 2 ст. 307 ГК РФ представлен перечень оснований, исходя из которых возникают обязательства. К таковым относятся:

- договоры;
- иные сделки;
- факты причинения вреда;
- факты неосновательного обогащения.
- прочие основания.

Примечательно, что и понятие обязанности в рассматриваемой норме тоже упоминается, но именно в контексте исполнения обязательства. При этом складывается впечатление, что именно обязанность является составляющей обязательства.

В контексте изложенного нельзя не отметить, что вопрос сущности обязательств, как и обязанностей, уже рассматривался неоднократно как судами, так и субъектами правотворческой деятельности, в том числе в контексте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права [2]. В данном документе уточняется, что понимание обязательства в указанной норме ГК РФ охватывает только простую связь, имеющуюся между должником, на которого возложена обязанность, и кредитором, который имеет право требования.

В то же время отмечается, что понимание обязательства как единого сложного отношения, нашло отражение в п. 2 ст. 308 ГК РФ: если каждая из

сторон по договору несёт обязанность в пользу другой стороны, она считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в её пользу и одновременно её кредитором в том, что имеет право от неё требовать [2].

Думается, что изложенное в целом может быть экстраполировано и на другие области, по крайней мере, условно. В контексте теоретического осмысления представляется уместным такой подход к пониманию обязательств. Хотя вряд ли можно с абсолютной уверенностью утверждать, что именно такой взгляд, нашедший отражение в ГК РФ, является единственно правильным в плане понимания специфики обязанности и обязательства как общеправового феномена.

Уместно обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 12.07.2023 № 39-П [3], где был указан принципиально значимый аспект, а именно то, что праву корреспондируется обязанность. В этой связи обязанность может рассматриваться как некоторое дополнение соответствующего права. И если рассматривать данную проблематику именно в конституционно-правовом аспекте, то обязанность можно понимать в более широком плане, нежели обязательство.

С учётом изложенного можно полагать, что юридическая обязанность в значительной степени совпадает с юридическим обязательством: и в одном, и в другом случае имеет место такой феномен, как долженствование, хотя в литературе обращается внимание и на некоторые другие значимые отличия (признаки) обязательства.

В частности, юридическая обязанность выражается в следующем:

- это конкретная закреплённая юридическими нормами необходимость поведения;
- ей присуще долженствование, выражающее содержание юридической обязанности;
- это своеобразная мера необходимого поведения;

- исполнение обязанности нацелено на удовлетворение интересов управомоченного субъекта;

- обязанность является категоричной, императивной [8, с. 93-94].

Перечисленные признаки в целом вполне можно причислить и к юридическому обязательству, за исключением, как мы представляем, последнего. Если обязанность носит категоричный, безусловный характер, то обязательство во многом является условным, во всяком случае, если за образец обязательства принимать те из них, которые предусмотрены нормами гражданского законодательства. Это одно из ключевых отличий обязанностей от обязательств.

Позволим себе согласиться с теми авторами, которые рассматривают юридическую обязанность как изначально направленную в противоречие с природой свободного волеизъявления. В этом смысле обязательства, представленные главным образом в нормах гражданского законодательства, имеют преимущественно добровольный характер, в своем большинстве. Субъект сам их принимает на себя, хотя и здесь имеются определённые исключения, в частности, обязательства, обусловленные причинением вреда.

В контексте изложенного уместно подчеркнуть, что обязанности тоже являются важной составляющей гражданских правоотношений, выступая в качестве некоторого ограничительного барьера, разделяющего гражданские и прочие отношения, где имеют место императивные методы правового регулирования и соответствующее государственное принуждение [7, с. 23]. То есть обязательство нельзя рассматривать как сугубо гражданско-правовую категорию. Одновременно с этим и обязанность нельзя рассматривать как категорию, которая не свойственна гражданскому праву.

В этом смысле можно было бы провести вполне конкретную разграничительную линию между обязательством и обязанностью. Однако обязательства из причинения вреда осложняют решение этой задачи, поскольку субъект не принимает их добровольно на себя.

Интересным представляется взгляд Р.Р. Долотиной, которая усматривает в обязательствах признак персонифицированности, выражающийся в присутствии индивидуально определённой, обязанной стороны, а также стороны, уполномоченной требовать (субъект обязывания) [6, с. 154].

С этим взглядом можно согласиться, поскольку обязанности, как правило, предусматриваются применительно ко всем, в то время как обязательство распространяется на конкретного субъекта. Но опять же такой взгляд обоснован с оглядкой на нормы гражданского законодательства.

Все изложенное в целом отражает существенную сложность проблемы и свидетельствует об отсутствии возможности максимально точно и однозначно описать специфику обязанности и обязательства в контексте их разграничения.

Здесь надо признать, что действительно взгляды на феномен обязанности и обязательства в контексте теории государства и права существенно различаются, хотя чаще всего указанные понятия рассматриваются в качестве частного и общего. В частности, некоторые авторы считают, что общим понятием надлежит признавать обязательства, другие же, напротив, общим понятием признают обязанность. Немалая доля работ отражает и другой взгляд, исходя из которого указанные категории надлежит рассматривать как равнозначные по своему правовому значению [6, с. 155].

Учитывая, что однозначной законодательной основы для соотнесения указанных терминов нет именно в общеправовом контексте, то каждый из перечисленных подходов можно считать обоснованным.

Р.Р. Долотина, рассматривая данную проблематику, также акцентирует внимание на том, что обязанность принято корреспондировать определённому праву [6]. Тем самым она вторит Конституционному Суду, который обращал особое внимание на данный нюанс.

Обязанность состоит в конкретных действиях, которые обязан совершить определённый субъект. Что же касается обязательства, то оно, по мнению данного автора, по своему смыслу более объёмно, содержит множество

элементов, так или иначе отражающих волеизъявление субъекта, связанное с необходимостью совершения ожидаемых от него действий. И исходя из этого, обязательство трактуется как правоотношение, внутри которого возникают конкретные права и обязанности [6, с. 155]. Такой подход к трактовке обязанности и обязательства весьма убедителен.

Весьма интересный подход демонстрируют в своей работе Д.А. Давыдова и Е.В. Рябова, считая обязательство и обязанность как целое и часть, где обязанность, как и право, составляет суть самого обязательства. При этом, по их мнению, не каждая обязанность представляет собой компонент обязательства [5].

Ю.Н. Андреев, рассматривая обязательство, делает акцент на наличии правовой связи (взаимосвязи) между кредитором и должником [4, с. 200]. Полагаем, что такая связь присутствует и в случае наличия обязанности. Причём и в рамках обязательства, и в рамках обязанности имеет место угроза применения мер обязательственно-правовой защиты и ответственности. Все это в целом присуще и отношениям, связанным с юридической обязанностью.

Что же касается правовых оснований возникновения как обязанности, так и обязательства, они тоже весьма неоднозначны. Так, обязательство может возникнуть недобровольно, а также ввиду наличия иных юридически значимых фактов. Это свойственно зачастую и обязанности.

Надо сказать, что вообще спектр подходов к рассмотрению обязанностей и обязательств довольно широк. Обязательством может именоваться и обязанность. С другой стороны, обязанность может рассматриваться и как один из множества элементов обязательства. Более того, есть авторы, именующие в качестве обязательства документ, в котором зафиксирована обязанность или обязательство о совершении того или иного действия или воздержании от него. И такой неоднозначный подход к определению соотношения рассматриваемых понятий вполне закономерен [9, с. 85-86].

Заключение

Проблема соотношения категорий обязанности и обязательства совершенно по-разному решается в рамках теории государства и права, и в рамках законодательства разных отраслей. Если в рамках теории государства и права принципиальные различия между обязанностью и обязательством не проводятся, то в рамках действующего законодательства имеются некоторые закономерности различий. В частности, в ГК РФ законодатель в основном оперирует понятием обязательств, в то время как в других отраслях права, в частности, конституционном праве, имеет место преимущественно употребление понятия «обязанность». Исходя из этого, можно полагать, что обязательство характеризуется некоторой персонифицированностью, определённой ограниченностью во времени, причём зачастую связывается с вполне конкретным поведением обязанного субъекта. Обязанность же в большей мере свойственна сфере публичных правоотношений и зачастую не зависит или же в меньшей мере зависит от самого субъекта.

Различия между указанными категориями представляются минимальными и весьма условными, а сходство выражается прежде всего в наличии некоторого долженствования. Сам факт употребления слова «должен» применительно и к обязанности, и к обязательству свидетельствует о том, что однозначных границ, которые были бы максимально точны, между указанными категориями провести невозможно. Исходя из этого, указанные термины предлагается рассматривать как тождественные друг другу. Однако мы допускаем и их признание в качестве общего и частного, для удобства регулирования правоотношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России: проект (Рекомендован Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения: протокол № 66 от 26.01.2009) // Официальный интернет-сайт Ассоциации банков России. URL: https://asros.ru/upload/iblock/098/1671_koncepcia_74.pdf
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2023 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 2, подпункта 2 пункта 1 статьи 8, пункта 2 статьи 307 и пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Михайлика» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Андреев Ю.Н. О понятии «обязательство» в гражданском праве России // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 5(56). С. 194-201.
5. Давыдова Д.А., Рябова Е.В. Понятие обязательства и обязанности в финансовом праве: теоретические аспекты // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 4(26). С. 120-128.
6. Долотина Р.Р. К вопросу о понятии социального обязательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2(114). С. 153-162.
7. Ивлиев П.В., Завьялов С.О. Актуальные проблемы юридической обязанности в теории государства и права // Аграрное и земельное право. 2024. № 4(232). С. 22-24.
8. Можяева Л.Е. Соотношение понятий «обязанность» и «обязательство» в налоговом праве // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2017. № 2 (101). С. 93-98.
9. Поротикова О.А. Не всё то обязательство, что так называют // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 85-96.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Konceptiya sovershenstvovaniya obshhix polozhenij obyazatel`stvennogo prava Rossii: proekt (Rekomendovan Sovetom pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel`stva k opublikovaniyu v celyax obsuzhdeniya: protokol № 66 ot 26.01.2009) // Oficial`ny`j internet-sajt Associacii bankov Rossii. URL: https://asros.ru/upload/iblock/098/1671_koncepcia_74.pdf
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 12.07.2023 № 39-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 3 stat`i 2, podpunkta 2 punkta 1 stat`i 8, punkta 2 stat`i 307 i punkta 1 stat`i 395 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina V.G. Mixajlika» // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Andreev Yu.N. O ponyatii «obyazatel`stvo» v grazhdanskom prave Rossii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 5(56). S. 194-201.
5. Davy`dova D.A., Ryabova E.V. Ponyatie obyazatel`stva i obyazannosti v finansovom prave: teoreticheskie aspekty` // GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshhestvenny`x otnoshenij. 2018. № 4(26). S. 120-128.
6. Dolotina R.R. K voprosu o ponyatii social`nogo obyazatel`stva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2024. № 2(114). S. 153-162.
7. Ivliev P.V., Zav`yalov S.O. Aktual`ny`e problemy` yuridicheskoy obyazannosti v teorii gosudarstva i prava // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2024. № 4(232). S. 22-24.
8. Mozhaeva L.E. Sootnoshenie ponyatij «obyazannost`» i «obyazatel`stvo» v nalogovom prave // Izvestiya Gomel`skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny`. 2017. № 2 (101). S. 93-98.
9. Porotikova O.A. Ne vsyo to obyazatel`stvo, chto tak nazy`vayut // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2019. № 1. S. 85-96.

Научная статья

УДК 342.734

О ДВОЙСТВЕННОМ ПОНИМАНИИ ПРАВА НА ТРУД В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Пиччирилли Джованни, Ph.D., профессор конституционного и публичного права, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, Рим, Лацио, Италия, gpicci_rim21@outlook.com

Аннотация

В статье рассматривается вопрос двойственности понимания права на труд в советской государственной-правовой доктрине. Раскрываются ключевые идеи, разработанные в советской юридической науке и получившие реализацию в советских конституциях 1936 г. и 1977 г. Некоторые нормы данных конституций в статье анализируются детально. Особое внимание обращено именно на двойственность права на труд, которое в советский период рассматривалось одновременно и в качестве позитивного права, и в качестве обязанности. Подчеркивается признание в качестве важной составляющей права на труд также права на получение гарантированной работы. С советским пониманием права на труд сравнивается современное его понимание, для которого характерен неотъемлемый принцип свободы труда. Автор считает возможным рассматривать право на осуществление предпринимательской деятельности в качестве элемента современного права на труд, и с учётом этого приходит к выводу о более широком понимании такого права именно в современной правовой доктрине. Автор отмечает прогрессивность советских идей о праве на труд и их особое влияние на развитие международного права, но обосновывает невозможность и нецелесообразность воплощения права на труд в его советском понимании в условиях современной рыночной экономики.

Ключевые слова: право на труд, российское трудовое право, свободный труд, советское трудовое право, социальное иждивенчество, трудовая повинность, тунеядство.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025, одобрена после рецензирования 02.05.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

ON THE AMBIVALENT UNDERSTANDING OF THE RIGHT TO WORK IN THE SOVIET STATE-LEGAL DOCTRINE

**Giovanni Piccirilli, Ph.D., Professor of Constitutional and Public Law, LUISS
Guido Carli University, Rome, Lazio, Italy**

Abstract

The article deals with the question of the duality of understanding the right to work in the Soviet state-legal doctrine. The article reveals the key ideas developed in the Soviet legal science and implemented in the Soviet constitutions of 1936 and 1977. Some provisions of these constitutions are analyzed in detail. Special attention is paid to the duality of the right to work, which in the Soviet period was considered both as a positive right and as a duty. It emphasizes the recognition of the right to secure employment as an important component of the right to work. The modern understanding of the right to work, which is characterized by the inherent principle of freedom of work, is compared with the Soviet understanding of the right to work. The author considers it possible to consider the right to engage in entrepreneurial activity as an element of the modern right to work, and with this in mind, comes to the conclusion that a broader understanding of such a right is precisely in the modern legal doctrine. The author notes the progressiveness of Soviet ideas on the right to work and their special influence on the development of international law, but justifies the impossibility and inexpediency of implementing the right to work in its Soviet understanding in a modern market economy.

Keywords: right to work, Russian labor law, free labor, Soviet labor lawo, social dependency, labor service, parasitism.

Введение

Право на труд является одной из фундаментальных основ современного конституционного строя и имеет весьма важную, вполне очевидную черту: оно свободно. Такой взгляд на данное право отражён в нормах современного российского законодательства, прежде всего в Конституции РФ [1]. Конечно же данному праву, как и любому иному праву, корреспондируются определённые обязанности. Однако в любом случае свобода данного права сомнений не вызывает. Тем не менее, в условиях советской правовой системы взгляды были принципиально иные, что не может остаться без внимания.

Основная часть

Особый взгляд на труд и соответствующее право, культивировавшийся в советской государственно-правовой доктрине и советском законодательстве, был во многом закономерен. Наличие закономерностей становится очевидно, если учесть социалистический уклад экономики и направленное на его закрепление право.

Обращаясь к Конституции СССР 1936 г. [2], можно констатировать особый акцент именно на принадлежности власти трудящимся. Это означает, что труд в то время рассматривался как нечто большее, нежели просто объект или предмет, относительно которого возникает позитивное право. Во многом это был источник власти или, по крайней мере, фактор, обуславливающий власть, причем в прямом смысле этого слова.

Советской государственно-правовой доктрине, которая находила реализацию в конституционных актах, очевидно, была свойственна и другая немаловажная особенность – исключение эксплуатации чужого труда. Недопустимость эксплуатации человека человеком признавалась в качестве одного из базовых постулатов социализма (коммунизма).

Парадокс в том, что и де-факто, и де-юре труд гражданина использовало (то есть эксплуатировало) государство, но поскольку государство с его интересами не было принято противопоставлять гражданину или обществу, то и

рассматривать использование государством труда гражданина не было принято по аналогии с использованием труда гражданина другим гражданином или коллективом граждан.

Стоит уточнить, что автор статьи не вкладывает позитивный либо негативный смысл в понятие «эксплуатация чужого труда», рассматривая его как вполне естественное, свойственное экономическим отношениям явление. И в этой связи автор не видит существенной разницы между отношениями, в которых в качестве работодателя выступает государство или действующие от его имени субъекты, и отношениями, где работодателями являются частные лица – граждане и компании.

Особо важное отличие советского понимания права на труд отражено в ст. 12 рассматриваемой Конституции, которая гласила, что труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает – тот не ест». Помимо того, в указанной статье отражен и принцип социализма: «от каждого по его способности – каждому по его труду».

Аналогичные идеи получили воплощение и в Конституции СССР 1977 г. [3]. Хотя в ней и имелись некоторые отличия. Здесь нельзя не обратить внимание на ст. 13, где трудовые доходы, а значит, и труд, рассматривались как основа личной собственности советских граждан. Причём базовые принципы остались прежними. В частности, принцип от «каждого – по способностям, каждому – по труду» получил закрепление в ст. 14.

Надо сказать, что труду в советской доктрине и законодательстве придавалось гораздо большее значение, нежели в современной государственно-правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации. Так, в абз. 3 ст. 14 говорилось о том, что общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе.

Ошибкой было бы утверждение о том, что советская государственно-правовая доктрина отрицала определённую свободу труда. Такая свобода была

закреплена даже на конституционном уровне, хоть и не в полной мере. Так, ст. 17 Конституции СССР 1977 г. допускалась индивидуальная трудовая деятельность. Однако спектр сфер такой деятельности был весьма ограничен кустарно-ремесленным промыслом, сельским хозяйством, бытовым обслуживанием населения, также иными сферами, где в основе неизменно лежал исключительно личный труд граждан и членов семей.

В рамках советской государственно-правовой доктрины не поддерживалась идея извлечения нетрудовых доходов. Так, в ст. 13 Конституции СССР 1977 г. указывалось, что находящееся в личной собственности или пользовании граждан имущество не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, а равно использоваться в ущерб интересам общества. То есть использование имущества в ущерб интересам общества, как и извлечение нетрудовых доходов, рассматривалось исключительно негативно.

Сама суть права на труд в Конституции СССР 1977 г. более подробно раскрывалась в ст. 40, согласно которой, оно предполагало, в том числе:

- право на получение гарантированной работы с оплатой труда, соответствующее его количеству и качеству, и не ниже минимального размера;
- право на выбор профессии, рода занятий и работы исходя из призвания способностей, профессиональной подготовки, образования, и с учётом общественных потребностей.

Праву на труд корреспондировалось и право на отдых, согласно ст. 41 Конституции СССР 1977 г.

В современной государственно-правовой доктрине, которая воплощена в нормах Конституции РФ, взгляды на труд несколько отличаются, что становится заметным уже при ознакомлении со ст. 37, согласно которой, труд свободен. При этом каждый волен распоряжаться собственными способностями к труду, свободно выбирать род деятельности, профессию по своему усмотрению, а принудительный труд находится под запретом.

Право на труд в современной государственно-правовой доктрине представляется еще более широким с учетом ст. 8 Конституции РФ, то есть благодаря свободе экономической деятельности, а также с учетом ст. 34, позволяющей заниматься предпринимательской деятельностью, используя для этого имущество. Причём само государство, исходя из ст. 114 Конституции РФ, в лице Правительства РФ, содействует развитию предпринимательства и частной инициативы.

То есть идею свободы предпринимательства, как одну из основ капиталистической экономики, и само право на осуществление предпринимательской деятельности, можно рассматривать в виде относительно самостоятельной составляющей конституционных прав и свобод личности. С другой стороны, данное право может быть рассмотрено и в тесной взаимосвязи с правом на труд. В таком случае можно констатировать, что в современных условиях фактически произошла замена гарантий получения работы на дополнительное право заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе с использованием наёмного труда (право на использование наёмного труда в рамках предпринимательства, хотя и не упоминается прямо, однако презюмируется, исходя из принципа свободы экономической деятельности).

Уверены, что право заниматься предпринимательской деятельностью можно рассматривать и как своеобразную составляющую права на труд и по той причине, что такая деятельность отражает реализацию человеком его возможностей и сопряжена с определенными трудовыми затратами.

Однако не все в положительном ключе оценивают современный подход к пониманию содержания права на труд. Например, высказывается мнение, что реальное право на труд в настоящее время заменено именно принципом свободы труда. Хотя такой позиции придерживаются не все современные авторы. Есть и те, кто отрицает факт отсутствия закрепления данного права в современной России, ведь оно, так или иначе, получило закрепление не только на уровне национального законодательства, в том числе в Конституции, но также и в

нормах международного права [6, с. 39]. Возможно, в этих нормах прослеживается декларативность и грубый формализм, однако декларативность с формализмом свойственны и закреплению многих других значимых прав человека и гражданина.

Впрочем, исследователи, которые современный подход не поддерживают, считают, что ст. 37 Конституции РФ должна не только декларировать свободу труда, но закреплять и определённые гарантии на получение работы, по аналогии с советским правом [6, с. 41].

Безусловно, наличие таких гарантий можно было бы расценить положительно, однако реалии капиталистической экономики, во многом носящей конкурентный характер и не предполагающей строгого следования единому государственному плану всех субъектов экономической деятельности, не позволят даже гипотетически реализовать обязательные гарантии на получение работы. Ведь для этого необходимо определённое ограничение конкуренции, а в современных условиях конкуренция понимается как одна из основ рыночной экономики.

Пытаясь аргументировать несостоятельность современной концепции права на труд, сторонники советского подхода подчёркивают принципиальное различие между понятиями «право» и «свобода» [6, с. 39]. Соглашаясь с этим, нельзя не признать, что свобода во многом является составляющей права на труд, если данное право рассматривать в широком смысле. В этой связи современному праву на труд сопутствует достаточно широкая свобода, что нельзя не оценить положительно.

Поэтому полноценное воплощение советских идей о праве на труд в условиях современной экономики вряд ли уместно. Однако надо отдать должное тем идеям, которые в первой половине XX века были реализованы в Советском государстве в сфере труда. В этом случае стоит согласиться с И.С. Войтинским в том, что даже в условиях экономической отсталости, которая была присуща Советскому Союзу в первые годы его существования, было создано наиболее

передовое для того времени трудовое право, в наибольшей степени охранявшее интересы трудящихся [4, с. 66].

То есть доктрина права на труд, господствовавшая в советской правовой науке и реализовывавшаяся в советском законодательстве, в своё время была весьма прогрессивной, в том числе и с учётом наличия особого акцента на гендерном равноправии в сфере социально-трудовых отношений. И здесь уместно сказать, что именно развитие советского трудового права оказало существенное влияние на мировое движение против дискриминации женщин в области труда. Более того, и в настоящее время многие советские идеи продолжают поддерживаться в нормах российского законодательства и в науке [5, с. 46].

Однако нельзя сказать, что советское право на всем протяжении его истории развивалось в полной мере поступательно и имело общую направленность. Так, в годы Второй мировой войны, когда трудовое законодательство существенно ужесточилось, в том числе в части регулирования ответственности трудящихся и усиления дисциплины труда, речь шла в большей мере не о воплощении в законодательстве доктринальных идей, а о решении практических проблем государства, связанных с укреплением тыла и обеспечением условий для победы в войне [7, с. 20].

Говоря о принципиально разном понимании права на труд, нельзя не сказать и о неодинаковых целях советской и современной юридической науки. Если в советское время правовая доктрина сводилась к тому, чтобы создать научную основу для построения общества на принципах коллективизма, бесклассовости и в целом идеях коммунизма [8, с. 64], то в современных условиях ключевой ценностью является демократия, свобода и конкуренция в условиях рынка.

Тем не менее, разработанные советской наукой идеи о праве на труд, базировавшиеся на воззрениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, были отчасти переняты и современным трудовым правом, легли в основу

современного понимания права на труд [5, с. 49]. При этом двойственность данного права, предполагающая его рассмотрение и в качестве обязанности, поддержки не получила.

Заключение

Таким образом, понимание права на труд в советской доктрине отличалось признанием обеспечения гарантированной работой как обязательного элемента такого права. Свобода труда, хотя и предполагалась, но была весьма ограниченной, в том числе ввиду запрета на использование наёмного труда гражданами, а также запрета предпринимательской деятельности. Современная же доктрина в большей мере акцентирует внимание на свободе труда, нежели на получении гарантированной работы. Более того, при рассмотрении современного права на труд в широком смысле в него можно включить и право на осуществление предпринимательской деятельности, в том числе с использованием наёмного труда, что отражает более широкое понимание права на труд и тоже некоторую его двойственность.

Принципиальной особенностью советского понимания права на труд было его рассмотрение одновременно и в качестве обязанности, что представляется весьма парадоксальным. В этом смысле современное понимание права на труд такие взгляды отрицает. Поэтому труд может признаваться обязанностью лишь при вступлении субъекта в соответствующие трудовые правоотношения с конкретным работодателем, в чем состоит принципиальное отличие между пониманием рассматриваемого права в советской и современной правовой доктрине. Поэтому реализовать в полной мере советские концептуальные идеи о праве на труд в условиях современной демократической правовой системы не только невозможно, но и нецелесообразно.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) – утратила силу // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) – утратила силу // СПС «КонсультантПлюс».
4. Войтинский. И.С. (1884-1943). Трудовое право С.С.С.Р. М., Л. : Гос. изд-во, 1925. 364 с.
5. Волков Д.В., Мясников В.В. К вопросу о формировании советского трудового права в 20-е годы XX века (историко-правовой аспект) // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 3. С. 42–50.
6. Волков О.Е. Теоретические основы соотношения права на труд и свободы труда // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 38-43.
7. Епифанова Е.В. Изменения в трудовом праве в период Второй мировой войны // Очерки новейшей камералистики. 2020. № 2. С. 16–22.
8. Рыженкова Е.Н., Зинин Е.Е. Влияние развития трудового права в СССР на трудовое право Российской Федерации // Материалы Афанасьевских чтений. 2022. № 4 (41). С. 64–67.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuzu Sovetskix Socialisticheskix Respublik (utv. Postanovleniem Chrezvy`chajnogo VIII S`ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) – utratila silu // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuzu Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977) – utratila silu // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Vojtinskij. I.S. (1884-1943). Trudovoe pravo S.S.S.R. M., L. : Gos. izd-vo, 1925. 364 s.
5. Volkov D.V., Myasnikov V.V. K voprosu o formirovanii sovetskogo trudovogo prava v 20-e gody` XX veka (istoriko-pravovoj aspekt) // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2022. № 3. S. 42–50.
6. Volkov O.E. Teoreticheskie osnovy` sootnosheniya prava na trud i svobody` truda // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. Tom 11. № 4A. S. 38-43.
7. Epifanova E.V. Izmeneniya v trudovom prave v period Vtoroj mirovoj vojny` // Ocherki novejshej katedralistiki. 2020. № 2. S. 16–22.
8. Ry`zhenkova E.N., Zinin E.E. Vliyanie razvitiya trudovogo prava v SSSR na trudovoe pravo Rossijskoj Federacii // Materialy` Afanas`evskix chtenij. 2022. № 4 (41). S. 64–67.

Научная статья

УДК 340.130.5, 340.132

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СИЛЕ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Никонова Наталия Николаевна, к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, nikonovanat.npr@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется вопрос обязательной силы рекомендательных правовых актов. Уже в самих определениях, представляемых в литературе, отражена неоднозначность юридической роли такого рода актов, поскольку их необязательность является лишь предположительной. Неоднозначность правового статуса рекомендательных актов в статье связывается, в том числе, с нетипичным характером правовых норм, которые там формулируются. Трудности оценки статуса рекомендательных актов иллюстрируются на примере конкретных нормативных документов, причём как внутренних, так и международных. В частности, затрагивается проблема рекомендательного законодательного акта. Анализируются также методические рекомендации, одни из которых носят характер обязательных, а другие – необязательных. Рассматривается и статус рекомендательного акта индивидуального характера, который не относится к нормативным и является необязательным. На основе анализа рекомендательные нормативные акты делятся автором на две категории: являющиеся рекомендательными и де-юре, и де-факто, а также являющиеся де-юре рекомендательными, а де-факто – обязательными. С учётом этого обосновывается условность феномена рекомендательного нормативного акта. В результате в статье выдвигается предложение о целесообразности отказа от использования понятия рекомендаций применительно к тем нормативным актам, которые де-факто принимаются как обязательные.

Ключевые слова: инструкция, нормативный правовой акт, обязательный правовой акт, рекомендательный законодательный акт, рекомендательный правовой акт, рекомендации, указания.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025, одобрена после рецензирования 11.06.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

ON THE ISSUE OF MANDATORY VALIDITY OF RECOMMENDATORY LEGAL ACTS

Natalia Nikonova, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure and Labor Law of the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article examines the issue of mandatory force of recommendatory legal acts. Already in the definitions presented in the literature, the ambiguity of the legal role of such acts is reflected, since their non-binding nature is only assumed. The ambiguity of the legal status of recommendation acts in the article is associated, among other things, with the atypical nature of the legal norms that are formulated there. The difficulties of assessing the status of recommendatory acts are illustrated by the example of specific regulatory documents, both domestic and international. In particular, the issue of a recommendatory legislative act is addressed. Methodological recommendations are also analyzed, some of which are mandatory, while others are optional. It also considers the status of an individual recommendation act, which is not considered normative and is optional. Based on the analysis, the author divides recommended regulations into two categories: those that are both de jure and de facto recommended, as well as those that are de jure recommended and de facto mandatory. With this in mind, the conditionality of the phenomenon of a recommendation

normative act is justified. As a result, the article puts forward a proposal on the expediency of refusing to use the concept of recommendations in relation to those normative acts that are de facto accepted as mandatory.

Keywords: instruction, normative legal act, mandatory legal act, recommendation legislative act, recommendation legal act, recommendations, instructions.

Введение

Принято считать, что любой правовой акт, содержащий нормы поведения, именуемый, соответственно, нормативным, является обязательным для исполнения (соблюдения), по крайней мере, для тех субъектов, на которых он ориентирован. Неисполнение или несоблюдение норм обязательного (обязывающего) нормативного правового акта (НПА), как правило, чревато применением мер юридической ответственности, которая, в зависимости от тех или иных обстоятельств, может быть гражданско-правовой, административной, уголовной, дисциплинарной.

Феномен правовых актов, которые содержат нормы рекомендательного характера и, зачастую, именуются именно рекомендациями, вносит определённые трудности в понимание самой природы НПА и в решение вопроса о его обязательности. Являясь по своему характеру нормативным (хотя нормативность и может ставиться под сомнение), рекомендательный правовой акт нередко способен ввести в заблуждение субъекта правоприменения, особенно в условиях отсутствия упоминания о нем в законе. Следовательно, его природу и юридическое значение необходимо уточнить именно в аспекте необязательности (обязательности).

Основная часть

В литературе высказывается множество различных мнений относительно сущности и специфики рекомендательных правовых актов. И стоит сразу признать, что большинство позиций в данной статье отразить будет невозможно, но некоторые из них, в целом дающие представление об исследуемой проблеме,

раскрыты будут. Интерес представляет, в частности, мнение профессора Р.Б. Головкина и А.С. Мельникова, указывающих на то, что нормы, содержащиеся в рекомендациях, являются необязательными лишь предположительно и могут реализовываться не в виде исполнения, а в форме использования. Хотя, по их же замечанию, такая ситуация не совсем очевидна [6, с. 127]. В целом такой взгляд на рекомендации обоснован, в том числе, в силу неоднозначности их правового статуса. То есть предположительная необязательность означает, что нельзя исключить и обязательность норм, которые представлены в рекомендациях.

Исключительно важной особенностью правовых актов рекомендательного характера является их нормативность, по крайней мере, применительно ко многим случаям. Но реализация рекомендательных актов (исполнение, применение), как отмечается в литературе, не обеспечена требованием обязательности. Хотя это не исключает, что, например, государственные рекомендации вполне конкретные правовые последствия влекут [9, с. 18]. Исходя из такого взгляда, крайне сложно сформировать представление о том, что же действительно представляют собой рекомендации, носящие нормативный характер.

Трудности в оценке правового значения рекомендаций в рассматриваемом в контексте нормативного регулирования в значительной степени обусловлены нетипичным характером содержащихся в них правовых норм [7, с. 12]. Конечно, нетипичность правовых норм может характеризоваться по-разному, особенно учитывая разнообразие самих рекомендательных правовых актов и многообразие представленных в них норм. Даже само наличие обязывающей нормы в акте, заглавие (наименование) которого даёт основания предполагать его рекомендательность, уже можно считать нетипичным. То есть сама по себе обязывающая норма в рекомендательном нормативном акте нетипична при ее рассмотрении с теоретических позиций; в практическом же аспекте такой подход вполне типичен.

Учитывая сказанное, порой сложно однозначно ответить на вопрос о том обязательны ли конкретные рекомендательные нормы и рекомендательный акт в целом.

В современной литературе вопрос о том, как же следует расценивать правовую природу и юридическую силу НПА, именуемого рекомендательным, решается неоднозначно. Есть авторы, полагающие, что именуемый рекомендательным НПА обязательным не является. Их позицию пытаются опровергнуть те, кто рассматривают любые НПА в качестве обязательных для исполнения. Эти позиции будет более уместно рассмотреть после изучения некоторых практических примеров.

Далее нельзя не обратить внимание на ряд НПА, именуемых рекомендациями, которые имеют весьма важное для правового регулирования определенных общественных отношений значение. Например, интересно Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 13.05.1995 «О рекомендательном законодательном акте "О нормативных правовых актах государств-участников СНГ"» [1]. Оно, безусловно, имеет характер обязательного акта. Однако сама формулировка «рекомендательный законодательный акт» содержит в себе определённый парадокс. Принято считать, что закон (законодательный акт) – это исключительно нормативный обязательный документ. Здесь же говорится о нем в контексте рекомендаций. Конечно, такой случай даёт повод усомниться и в том, что сам закон (законодательный акт) может рассматриваться только в контексте обязательных правовых норм, ведь, учитывая данный документ, законодательный акт может быть как обязательным, так и рекомендательным. В то же время указанный акт вполне вписывается в систему международных источников права, поскольку в его рамках принимается акт, который рекомендует странам-участницам определённые подходы к решению тех или иных проблем правового характера, но на законодательном уровне.

Следует сосредоточить внимание и на Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2], предусматривающем две категории рекомендательных правовых актов применительно именно к сфере регламентируемого контроля (надзора). Ст. 51 упоминает методические рекомендации по проведению самообследования и подготовке декларации соблюдения обязательных требований, имеющие цель оказать именно методическую помощь [4]. Они ни к чему не обязывают соответствующих субъектов. Однако их можно считать нормативными.

Ст. 52 указанного Закона упоминает «разъяснения и рекомендации, полученные контролируемым лицом в ходе профилактического визита», носящие, согласно той же норме, рекомендательный характер. Это рекомендации, не имеющие статуса норм в силу их адресности.

Ст. 90 рассматриваемого Закона наделяет инспектора правом выдать рекомендации по соблюдению обязательных требований. Очевидно, таковые обязательными не являются. Однако сложно представить, как именно без их исполнения подконтрольный субъект сможет обеспечить соблюдение обязательных требований.

Принципиально иной юридический статус имеют Методические рекомендации Минкультуры по разработке научно-проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия [3], в п. 1.3 которых недвусмысленно указывается, что они именно «подлежат применению», а в материалах судебной практики этот же акт характеризуется как обязательный к применению [5]. Поэтому совершенно обоснованно в литературе [6, с. 128] многие акты ведомственного нормотворчества наделяются свойством императивности.

Особо стоит сказать и о тех актах рекомендательного характера, которые регламентируют порядок выполнения научно-исследовательских работ в рамках учебной деятельности. К такой категории актов относятся разного рода

методические рекомендации, разрабатываемые в образовательных, научных и прочих подобных организациях, рассматриваемые в качестве обязательных при проведении соответствующих исследований. Несоблюдение такого рода документов чревато весьма негативными последствиями, в числе которых, в частности, незачёт работы, возврат исследования на доработку с выдвиганием требования привести исследование в соответствие с методическими рекомендациями. Отсюда следует вполне закономерный вывод о том, что определённые нормативные документы, именуемые рекомендациями де-юре, носят вполне конкретный не рекомендательный, а императивный характер де-факто.

Таким образом, НПА, являющиеся формально рекомендательными, условно могут быть подразделены на две группы, с учетом их фактической правовой силы: к первой группе могут быть отнесены те из них, которые являются рекомендательными и де-юре, и де-факто; ко второй – те, которые де-юре являются рекомендательными, а де-факто – обязательными. Отсюда можно сделать вывод о неоднозначности самого феномена рекомендательного НПА.

Конечно же такое деление произведено без учёта фактической спорности многих нормативных документов, именуемых рекомендациями, статус которых не вполне определён и может, зачастую, оспариваться в рамках судебных разбирательств. В любом случае фактическая обязательность отдельных нормативных актов, именуемых формально рекомендательными, сомнений не вызывает, особенно с учётом наличия прямых указаний на обязательность, а также с учётом использования в тексте таких слов, как «должен», «обязан», «следует» и пр., отражающих долженствование.

Наиболее убедительным и даже бесспорным подтверждением проблемности такого вопроса являются методические или иные рекомендации для выполнения работ, в том числе научных, которые де-факто рассматриваются в качестве обязательных. Это означает, что феномен рекомендательного НПА во многом является условным. Поэтому, учитывая сложившуюся практику

правового регулирования, вопрос об обязательности (императивности) или рекомендательности того или иного акта надлежит решать исходя из того, что само наименование акта свидетельствует о его характере лишь условно. По крайней мере, это справедливо применительно к рекомендациям (методическим и т.п.).

Вообще в литературе юридические рекомендации характеризуются весьма широко, как акты, выражающие волю управомоченных на то лиц, содержащие предложения, советы, указания, адресованные субъектам определённых юридических взаимосвязей и вызывающие юридические последствия в виде установления, изменения, прекращения правоотношений [6, с. 131]. Но опять же указанные характеристики условны, особенно если их рассматривать в комплексе. Так, в одном акте, формально именуемом рекомендациями, могут содержаться не обязательные предложения, рекомендации, в том время как в другом – обязывающие указания.

В одновременном упоминании предложений, советов, указаний выражается вся парадоксальность рекомендательных правовых актов. То есть они могут содержать как необязательные, так и обязательные к исполнению нормы, причем общеобязательность может колебаться от минимальной до высокой степени, близкой к императивной, выражающейся в форме запретов, ограничений или обязанностей [8, с. 211].

Заключение

Вопрос статуса рекомендательных правовых актов остаётся открыт, а значит, остаётся и потребность в принятии мер по его скорейшему разрешению.

Автору видится необходимость пересмотра сложившегося подхода, предполагающего именование фактически обязательных НПА рекомендациями. Субъекту нормативно-правового регулирования целесообразно отказаться от использования такого понятия, как «рекомендации» применительно к тем НПА, которые разрабатываются в качестве обязательных для исполнения. Думается,

что такого рода НПА должны именоваться иначе, в частности, инструкциями, указаниями и т.п., но не рекомендациями.

Такой подход нормативно закреплён может быть в любых актах, в соответствии с которыми (во исполнение которых) принимаются те или иные рекомендации.

Реализация данного подхода способна исключить заблуждение субъектов правоприменительной деятельности при решении тех или иных проблем практического характера, когда возникают (могут возникнуть) сомнения о том, подлежит ли конкретный документ обязательному применению.

Список литературы

1. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 13.05.1995 «О рекомендательном законодательном акте "О нормативных правовых актах государств-участников СНГ"» // Информационный бюллетень. Межпарл.Ассамблея государств-участников СНГ. 1995. № 8.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
3. Методические рекомендации по разработке научно-проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (Письмо Минкультуры России от 16.10.2015 № 338-01-39-ГП) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Методические рекомендации по проведению самообследования и подготовке декларации соблюдения обязательных требований (утв. Руководителем Федеральной службы по надзору в сфере транспорта 21.03.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/351295571?section=text> (дата обращения: 08.04.2025).

5. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.01.2020 по делу № А40-198728/2019 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/564225050> (дата обращения: 08.04.2025).
6. Головкин Р.Б., Мельников А.С. Юридические рекомендации как способ правового регулирования общественных отношений // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (45). С. 127–132.
7. Кожевников В.В. О рекомендательных нормах права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 4. С. 5–18.
8. Косых А.А. Правовой феномен «рекомендация»: понятие и роль в правовом регулировании общественных отношений // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2024. № 2. С. 208–214.
9. Ноздрачев А.Ф. Государственные рекомендации: значение, правовая природа и современная практика применения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 4. С. 16–29.

References

1. Postanovlenie Mezhpaplamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG ot 13.05.1995 «O rekomendatel`nom zakonodatel`nom akte O normativny`x pravovy`x akтах gosudarstv-uchastnikov SNG» // Informacionny`j byulleten`. Mezhpaplam. Assambleya gosudarstv-uchastnikov SNG. 1995. № 8.
2. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 28.12.2024) «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal`nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2020. № 31 (ch. I). St. 5007.
3. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke nauchno-proektnoj dokumentacii na provedenie rabot po soxraneniyu ob`ektov kul`turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul`tury`) narodov Rossijskoj Federacii (Pis`mo Minkul`tury` Rossii ot 16.10.2015 № 338-01-39-GP) // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu samoobsledovaniya i podgotovke deklaracii soblyudeniya obyazatel'ny`x trebovanij (utv. Rukovoditelem Federal'noj sluzhby` po nadzoru v sfere transporta 21.03.2022) // E`lektronny`j fond pravovy`x i normativno-texnicheskix dokumentov «Kodeks». Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/351295571?section=text> (data obrashheniya: 08.04.2025).
5. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy` ot 24.01.2020 po delu № A40-198728/2019 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. Rezhim dostupa: <https://sudrf.cntd.ru/document/564225050> (data obrashheniya: 08.04.2025).
6. Golovkin R.B., Mel'nikov A.S. Yuridicheskie rekomendacii kak sposob pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 4 (45). S. 127–132.
7. Kozhevnikov V.V. O rekomendatel'ny`x normax prava // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. T. 18, № 4. S. 5–18.
8. Kosy`x A.A. Pravovoj fenomen «rekomendaciya»: ponyatie i rol` v pravovom regulirovanii obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 2. S. 208–214.
9. Nozdrachev A.F. Gosudarstvenny`e rekomendacii: znachenie, pravovaya priroda i sovremennaya praktika primeneniya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2022. T. 18, № 4. S. 16–29.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.2

ПОНЯТИЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

**Гормли Лоуренс, Ph.D., Университет Гронингена: Гронинген,
Нидерланды, ivanmelikh_vlg@yandex.ru**

Аннотация

Рассматривается понятие «преступление» на основе его ключевых признаков – виновности, общественной опасности, противоправности, наказуемости. Подчёркивается особая роль признака общественной опасности как главного отличия преступления; обсуждаются разные подходы к пониманию общественной опасности; обосновывается необходимость использования качественных, количественных и других объективных критериев общественной опасности для отграничения преступления от административного и иных правонарушений. Дается общая характеристика виновности как признака преступления; выделяются принципиальные условия, свидетельствующие о наличии виновности; рассматриваются формы вины. Исследуется признак противоправности; выделяются два подхода законодателя к закреплению признака противоправности, а именно с использованием прямого запрета и без использования прямого запрета (посредством установления наказуемости). Рассматриваются понятие «наказание» и признак наказуемости как признак преступления; отмечается условный характер признака наказуемости ввиду возможности освобождения виновного в преступлении лица от отбывания наказания. Анализируется сущность административного правонарушения в контексте его признаков; выделяются существенные отличия административного правонарушения от преступления. Уделяется внимание признаку общественной вредности как отличительной черте административного правонарушения.

Обращается внимание на проблему административной преюдиции, предполагающей признание общественно опасных деяний (административных правонарушений) опасными при их повторном совершении. Делается вывод о наличии некоторых противоречий в нормах УК РФ, обусловленных установлением уголовной ответственности за повторно совершенное административное правонарушение.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, общественная опасность, преступление, уголовная ответственность, уголовное право, УК РФ.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025, одобрена после рецензирования 12.04.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

THE CONCEPT OF " CRIME " AND THE PROBLEMS OF DISTINGUISHING IT FROM AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

Gormley Laurence, Ph.D., University of Groningen: Groningen, Netherlands

Abstract

The concept of "crime" is considered on the basis of its key features – guilt, public danger, illegality, punishability. The special role of a sign of public danger as the main difference between a crime is emphasized; different approaches to understanding public danger are discussed; the need to use qualitative, quantitative and other objective criteria of public danger to distinguish a crime from administrative and other offenses is justified. A general description of guilt as a sign of a crime is given; fundamental conditions indicating the presence of guilt are highlighted; forms of guilt are considered. The article examines the sign of illegality; two approaches of the legislator to fixing the sign of illegality are distinguished, namely, with the use of a direct ban

and without the use of a direct ban (by establishing punishability). The concept of "punishment" and the sign of punishability as a sign of a crime are considered; the conditional nature of the sign of punishability is noted due to the possibility of releasing a person guilty of a crime from serving a sentence. The article analyzes the essence of an administrative offense in the context of its features; highlights the significant differences between an administrative offense and a crime. Attention is paid to the sign of public harmfulness as a distinctive feature of an administrative offense. Attention is drawn to the problem of administrative prejudice, which implies the recognition of socially non-dangerous acts (administrative offenses) as dangerous when they are repeated. It is concluded that there are some contradictions in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the establishment of criminal liability for a repeated administrative offense.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, public danger, crime, criminal liability, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Феномен преступления лежит в основе всего уголовного права, так как ответственность, предусмотренная нормами Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) базируется именно на понимании сущности преступления. Вопросы криминализации тех или иных деяний решаются исключительно на основе того, как именно понимается преступление.

В значительной мере проблематика уголовно-правовой трактовки преступления связана с проблематикой трактовки административного правонарушения, так как эти два понятия тесно взаимосвязаны, несмотря на наличие существенных различий между ними. Определение их соотношения и в научно-теоретическом, так и законотворческом контексте вызывает определенные трудности и разночтения. В связи с этим анализ сущности преступления в контексте соотношения с административным правонарушением представляется актуальным.

Основная часть

В ч. 1 ст. 14 УК РФ преступление трактуется как деяние (действие либо бездействие), обладающее следующими признаками:

- виновность;
- общественная опасность;
- запрещенность нормами УК РФ (противозаконность);
- наказуемость.

Каждый из признаков преступления, безусловно, является значимым и требует отдельного рассмотрения. И вряд ли можно говорить об их иерархии, поскольку при отсутствии любого из них говорить о наличии преступления не представляется возможным. Вместе с тем, особое внимание целесообразно обращать именно на признак общественной опасности, который присущ только преступлениям, во всяком случае, с точки зрения законодателя, так как любые иные правонарушения общественной опасности не представляют.

Примечательно, что в зарубежных доктринах признак общественной опасности преступления, как правило, тоже выделяется, однако ему не придается столь значимой роли, в отличие от отечественной уголовно-правовой доктрины, представители которой в своем большинстве, «ратуют за установление общественной опасности как признака преступления» [5, с. 125]. Автор статьи тоже солидарен с мнением большинства отечественных авторов и поддерживает признание указанного признака как обязательной характеристики преступления.

Следует подчеркнуть, что при всеобщей поддержке такого подхода, взгляды у отечественных исследователей на феномен общественной опасности принципиально расходятся. Так, А. А. Пионтковский связывает признак общественной опасности с непосредственным нанесением вреда общественным отношениям, либо с вероятностью нанесения вреда [7, с. 157]. И в целом такой взгляд вполне отражает один из принципиально значимых аспектов преступления. В то же время А. В. Наумов обращает внимание на существенность вреда, причиняемого объектам уголовно-правовой

охраны [6, с. 118]. И это позволяет сделать вывод о неоднозначности понимания общественной опасности, поскольку ключевой аспект здесь состоит именно в размере или характере вреда, что не всегда может быть оценено объективно.

Крайне интересным, но в то же время не вполне соответствующим позиции отечественного законодателя, представляется взгляд Н. А. Лопашенко, А. В. Голиковой, Е. В. Кобзевой и некоторых других исследователей на природу признака общественной опасности. Указанные авторы не согласны с использованием количественных критериев общественной опасности (размер, тяжесть), а также повторности совершения деяния. По их мнению, использование количественных критериев уместно лишь внутри отрасли уголовного права (для дифференциации различных преступлений), но не между отраслями (не для дифференциации преступлений и административных правонарушений). Что же касается повторности совершения деяний, то, по мнению данных авторов, такой аспект отражает не сам характер деяния, а лишь личность лица, его совершившего. В то же время в числе признаков, отражающих общественную опасность, указанными авторами отмечается существенность вреда [5, с. 134-135].

Поэтому, если исходить из этой позиции, то становится не вполне понятно, какими конкретными критериями руководствоваться для отграничения преступления, как общественно опасного деяния, от других деяний, не представляющих общественной опасности. И в этой связи качественные и количественные признаки, а также признак повторности, используемые законодателем, с практической точки зрения вполне пригодны для того, чтобы объективно оценить общественную опасность того или иного деяния, признав его преступным.

Отдельно следует сказать о малозначительности, как характеристике деяния, исключающей его признание преступлением. В этой связи законодатель усматривает отсутствие общественной опасности у тех деяний, которые

являются малозначительными, даже при формальном наличии всех прочих признаков конкретного преступления, что следует из ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Виновность, как обязательный признак преступления, отражена в ст. 5 УК РФ. Согласно указанной норме, привлечение к уголовной ответственности возможно исключительно при наличии вины за конкретные действия (бездействие) и наступившие в результате их совершения общественно опасные последствия, если в отношении них суд установил вину. При этом ч. 2 ст. 5 УК РФ запрещает объективное изменение.

Виновность или вину, как ее синоним, в содержательном теоретическом аспекте можно охарактеризовать как психическое отношение субъекта к совершенному деянию, а также к его последствиям [8, с. 118]. И такое определение в целом применимо как к уголовно наказуемым преступлениям, так и к различным, в том числе, административным, правонарушениям.

Принципиальными условиями виновности являются:

- свобода воли (совершение того или иного действия либо бездействия исключительно по собственной воле индивида);
- отражение в сознании лица совершенного им деяния [8, с.113].

Иными словами, для признания лица виновным необходимо, чтобы он руководствовался исключительно своей волей, осознавая при этом характер, степень общественной опасности и иные значимые аспекты деяния, причем как реальные, так и возможные. При этом степень виновности может быть разной.

Исходя из положений ст.ст. 25 и 26 УК РФ, законодатель рассматривает вину (виновность) исключительно в контексте ее дифференциации на умысел и неосторожность. Во взаимосвязи с указанными нормами, в зависимости от формы, вина (виновность) может трактоваться как:

- осознание опасности своего деяния, предвидение его последствий и желание их наступления (прямой умысел);

- осознание опасности своего деяния, предвидение его последствий, не желание, но сознательное допущение их наступления либо безразличие к ним (косвенный умысел);

- предвидение последствий своего деяния, но безосновательный расчет на их предотвращение (легкомыслие);

- не предвидение последствий своего деяния при недостаточной внимательности и предусмотрительности (небрежность).

Такая дифференциация вины (виновности) дает основания отдельным исследователям трактовать вину только в контексте терминов «умысел» и «неосторожность» [9, с. 12], что в целом представляется вполне обоснованным.

Признак противоправности в буквальном его понимании означает совершение того или иного деяния против права, вопреки нормам закона. Иначе противоправность можно назвать противозаконностью, это два синонимичных понятия.

Вместе с тем законодатель закрепляет признак противоправности применительно к разным составам преступления, предусмотренным нормами УК РФ, по-разному. Так, в одних случаях закрепление противоправности реализуется путем установления прямых запретов, причем, как правило, не нормами УК РФ, а иными федеральными законами или подзаконными нормативными актами или даже международным договором, как в случае, предусмотренном ст. 356 УК РФ, когда те или иные запреты на использование определенных методов и средств ведения войны устанавливаются международным договором или в случае, предусмотренном ст. 230.1 УК РФ, когда устанавливаются запреты на склонение спортсмена к использованию определенных субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте. В этих и иных подобных случаях установлены вполне конкретные запреты.

В то же время в отдельных случаях прямых запретов на совершение тех или иных деяний законодатель не устанавливает. Их противоправность следует не из установления запрета на совершение конкретного действия или

бездействия, а из наказуемости. Наиболее ярким примером реализации такого подхода законодателя к установлению признака противоправности (запрещенности) является состав преступления, предусмотренный в ст. 105 УК РФ: в этом случае противоправность убийства следует именно из его наказуемости, а не из установления прямого запрета.

Наказуемость, как признак преступления, предполагает, что за совершение соответствующего преступного деяния лицо будет подлежать наказанию, причем наказанию, предусмотренному именно нормами УК РФ, а не какого-либо иного закона.

Говоря о наказуемости, следует обратить внимание на 43 УК РФ, трактующую наказание в качестве назначаемой и применяемой по приговору суда меры государственного принуждения в отношении виновного в преступлении лица для целей восстановления справедливости, исправления лица и предупреждения совершения преступлений в дальнейшем.

Это дает основание для рассмотрения понятий «преступление» и «уголовно наказуемое деяние» в качестве синонимов. Наказуемость также означает, что в случае отсутствия в УК РФ норм о наказании за совершение конкретного деяния, такое деяние не будет признаваться наказуемым, а значит не будет рассматриваться и в качестве преступления.

Наказуемость, как один из ключевых признаков преступления, в определённой мере носит условный характер, особенно с учётом положений гл. 12 УК РФ, предусматривающей возможность освобождения от наказаний в отдельных случаях. Например, ст. 81 УК РФ допускает освобождение гражданина, признанного виновным в совершении преступления, от отбывания наказания в случае наличия тяжелого заболевания, если таковое создает препятствия для отбывания наказания, либо не позволяет гражданину осознавать характер и тяжесть содеянного, либо влечет негодность к военной службе (применительно к осужденным военнослужащим).

Рассматривая сущность преступления, нельзя обойти стороной вопрос его соотношения с административным правонарушением, которое, согласно ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ), также характеризуется:

- противоправностью;
- виновностью;
- наказуемостью.

Что касается отличий административного правонарушения, то они весьма существенны:

- во-первых, законодатель не усматривает признака общественной опасности у таких правонарушений;
- во-вторых, административное правонарушение может быть совершено не только гражданином, но также и юридическим лицом.

Говоря об отсутствии признака общественной опасности у административного правонарушения, важно подчеркнуть, что он является ключевым, поскольку в отличие от преступления, «все иные правонарушения вредны для интересов общества, но опасности ему не представляют» [5, с. 134]. Такова логика законодателя, поддерживаемая в целом и в отечественной уголовно-правовой науке.

Здесь важно ещё раз напомнить о ч. 2 ст. 14 УК РФ, исключающей причисление к преступлениям тех деяний, которые не представляют общественной опасности ввиду малозначительности.

Рассматривая конкретные нормы КоАП РФ, устанавливающие ответственность за те или иные правонарушения, можно прийти к выводу о причинении определенного вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям в результате совершения любого правонарушения. Но размер такого ущерба не является существенным, во всяком случае, с точки зрения законодателя, по формальным критериям.

В литературе обращается внимание и на прочие отличия преступлений от административных и иных правонарушений. Так, П. Н. Кобец особо подчеркивает роль объективной стороны деяния в разграничении рассматриваемых категорий [4, с. 118]. Тем не менее, признак общественной опасности целесообразно рассматривать как ключевое основание для разграничения преступления и административного правонарушения.

Сравнивая преступление с административным правонарушением, уместно выделить в качестве отличительной особенности последнего признак общественной вредности, отграничивающийся от признака общественной опасности по как объективным, так по субъективным аспектам [3, с. 6]. В этой связи вряд ли возможно с достаточной точностью разграничить указанные понятия, хотя такие попытки и предпринимаются, в частности, в статье А. М. Герасимова [3, с. 6].

Крайне спорным остаётся вопрос о соотношении преступления и административного правонарушения в контексте административной преюдиции, предполагающей признание преступлением повторно совершенного административного правонарушения. Примером является случай нанесения побоев субъектом, который ранее был привлечен к административной ответственности за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ). Думается, что законодатель в этой связи берет за основу количественные характеристики, усматривая в повторно совершенном административном правонарушении общественную опасность. Хотя при рассмотрении повторно совершенного административного правонарушения в отдельности, если таковое влечет уголовную ответственность, можно усмотреть явные противоречия идее признания преступлением только общественно опасных деяний.

Заключение

Изложенное позволяет прийти к выводу об отличии преступления по таким признакам, как противоправность (запрещённость нормами УК РФ), наказуемость (уголовно-правовая наказуемость), виновность, общественная

опасность. При отсутствии хотя бы одного из признаков соответствующее деяние не может рассматриваться в качестве преступления. Более того, деяния, которые формально подпадают под признаки преступления, но носят малозначительный характер и ввиду этого не представляют общественной опасности, к преступлениям не относятся. Поэтому именно признак общественной опасности является ключевым отличием преступления от административного правонарушения.

Однако спорным представляется вопрос о наличии признака общественной опасности у тех деяний, которые при первичном совершении влекут лишь административную ответственность, а при повторном совершении в течение определенного периода – уголовную. В таком случае де-юре первое деяние не является общественно опасным, а второе – является, при фактическом отсутствии существенных различий между ними.

В этом случае замысел законодателя вполне понятен: он предпринимает попытку дать гражданину в определённых случаях возможность исправиться без привлечения к уголовной ответственности, а когда исправления не происходит, наступает уголовная ответственность. И такой подход вполне логичен. Однако с научной точки зрения здесь усматривается противоречие между декларируемой идеей привлечения к уголовной ответственности только за общественно опасные деяния и фактически установленной уголовной ответственностью за совершение (повторное совершение) отдельных деяний, не представляющих общественной опасности. Думается, что данный аспект требует более тщательного анализа.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июн.; 2023. – 9 янв.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г.) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.; 2023. – 10 янв.
3. Герасимов А. М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 5-11.
4. Кобец П. Н. Значение объективной стороны преступления для разграничения преступлений и иных правонарушений // Инновационная наука. 2017. № 2-2. С. 118-119.
5. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В. [и др.] Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124-140.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. 560 с.
7. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
8. Хилюта В. В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3 (124). С. 110-123.
9. Яни П. С. Понимание Н. Ф. Кузнецовой категории «виновность» и квалификация преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 6. С. 8-22.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii

Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyunya 1996 g. (s izm. i dop. ot 29 dekabrya 2022 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; 2023. – 9 yanv.

2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 20 dekabrya 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dekabrya 2001 g. (s izm. i dop. ot 29 dekabrya 2022 g.) // Ros. gaz. – 2001. – 31 dek.; 2023. – 10 yanv.

3. Gerasimov A. M. Metodologicheskie osnovaniya razgranicheniya prestupleniya i administrativnogo pravonarusheniya // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 1 (76). S. 5-11.

4. Kobecz P. N. Znachenie ob`ektivnoj storony` prestupleniya dlya razgranicheniya prestuplenij i iny`x pravonarushenij // Innovacionnaya nauka. 2017. № 2-2. S. 118-119.

5. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V. [i dr.] Obshhestvennaya opasnost` prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikacii // Pravoprimerenie. 2020. T. 4, № 4. S. 124-140.

6. Naumov A.V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshhaya chast`: kurs lekcij. M.: BEK, 1996. 560 c.

7. Piontkovskij A. A. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava: Obshhaya chast`. M.: Gosyurizdat, 1961. 666 c.

8. Xilyuta V. V. Prestuplenie i ego priznaki: problemy` doktrinal`noj ocenki // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16, № 3 (124). S. 110-123.

9. Yani P. S. Ponimanie N. F. Kuzneczovoj kategorii «vinovnost`» i kvalifikaciya prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2022. № 6. S. 8-22.

Научная статья

УДК 343.241.2

ДИСКУССИЯ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Фаст Ольга Фёдоровна, к.ю.н., доцент, Государственный университет просвещения, vnaumjurkikot@bk.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка осмыслить проблему смертной казни с учетом актуального состояния отечественного законодательства, правоприменительной практики и науки уголовного права. Первоочередное внимание обращается на нормы Конституции РФ и Уголовного кодекса РФ, посвящённые вопросу назначения смертной казни, в том числе нормы, которые не позволяют применять смертную казнь в отношении некоторые категорий граждан. Основной интерес сосредоточен на действующем моратории на применение смертной казни, обоснованном позицией Конституционного Суда РФ, а также на аргументах «за» и «против» применения смертной казни. Признавая весомый характер и одни, и других, нельзя исключить рисков допущения судом или органами предварительного расследования ошибок, в результате которых к смертной казни может быть приговорен фактически невиновный человек, а это будет непоправимой ошибкой. Причем за такого рода ошибки или умышленные деяния наказания несоизмеримы последствиям. В заключении аргументируется мнение о возможности введения в судебную практику смертной казни, а также о целесообразности в таком случае ужесточить наказания за преступления, связанные с фальсификацией доказательств по уголовным делам об особо тяжких преступлениях, а также связанные с вынесением заведомо неправосудных приговоров.

Ключевые слова: высшая мера наказания, мораторий на смертную казнь, смертная казнь, уголовная ответственность, пожизненное лишение свободы, уголовное наказание, уголовное право.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025, одобрена после рецензирования 18.04.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

DISCUSSION ON THE DEATH PENALTY IN THE RUSSIAN LEGAL FIELD

**Fast Olga Fedorovna, Candidate of Law, Associate Professor, State University of
Education**

Abstract

The article attempts to understand the problem of the death penalty taking into account the current state of domestic legislation, law enforcement practice and the science of criminal law. Priority attention is paid to the norms of the Constitution of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation dealing with the issue of imposing the death penalty, including norms that do not allow the death penalty to be applied to certain categories of citizens. The main interest is focused on the current moratorium on the use of the death penalty, based on the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as on the arguments "for" and "against" the use of the death penalty. Recognizing the weighty nature of both, it is impossible to exclude the risks of mistakes made by the court or preliminary investigation bodies, as a result of which an essentially innocent person may be sentenced to death, and this will be an irreparable mistake. Moreover, for such mistakes or intentional acts, the penalties are disproportionate to the consequences. The conclusion argues for the possibility of introducing the death penalty into judicial practice, as well as the expediency in this case to toughen penalties for crimes related to falsification of evidence in criminal cases of particularly serious crimes, as well as those related to the imposition of deliberately unjust sentences.

Keywords: capital punishment, moratorium on the death penalty, capital punishment, criminal liability, life imprisonment, criminal punishment, criminal law.

Введение

Смертная казнь, представляющая собой лишение человека жизни в качестве наказания на основании решение (приговора) суда или иного управомоченного органа [4, с. 99] выступает одним из наиболее спорных видов наказания, и вызывает множество дискуссий, особенно с учетом стремлений, со одной стороны, побороть преступность, прежде всего, в части совершения тяжких преступлений, с другой стороны, гуманизировать уголовно-правовую и уголовно-исполнительную системы.

В научной литературе в этой связи поднимаются различные вопросы, прямо или косвенно касающиеся проблематики смертной казни, в том числе вопрос о том, «насколько конституционен сам институт смертной казни, легитимен ли он?» [9, с. 195]. И в этом плане трудно найти более актуальную тему, чем проблематика смертной казни, особенно в современных реалиях, когда Российская Федерация покинула Совет Европы, сняв с себя какие-либо обязательства в части неприменения данного вида уголовного наказания.

Основная часть

Рассматривая проблематику смертной казни, принципиально важно обратить внимание на некоторые нормы Конституции Российской Федерации [1] (Конституция РФ), как прямо, так и косвенно затрагивающие вопрос смертной казни. Так ст. 2 Конституции РФ гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства. В этом плане установление ответственности за посягательство на права и свободы человека тоже является обязанностью государства, что прямо следует из указанной нормы. И в этом плане смертная казнь, как и другие уголовные наказания, выступает в качестве одного из средств, призванных обеспечить правовую охрану и защиту указанных ценностей.

Ст. 20 Конституции РФ гарантирует каждому право на жизнь, а также допускает установление смертной казни в качестве исключительной меры

наказания за особо тяжкие преступления против жизни, при условии обязательного предоставления обвиняемому права на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей.

Вводя такую оговорку, законодатель поступил вполне обоснованно и рационально, исключив возможность принимать решение о смертной казни мнением одного или трех человек (судей). И в этом плане рассмотрение соответствующего вопроса с участием группы присяжных заседателей кардинально меняет ситуацию, с учетом значимости вопроса, касающегося жизни человека.

Принимая Уголовный кодекс Российской Федерации [2] (УК РФ), законодатель воспользовался возможностью введения наказания в виде смертной казни, предусмотрев его в ст. 44, 59, а также в ряде статей Особенной части применительно к отдельным видам особо тяжких преступлений, сопряженных с посягательством на жизнь человека.

Примечательно, что в ч. 2 ст. 59 УК РФ законодатель изначально исключил возможность назначения наказания в виде смертной казни трем категориям лиц:

- женщинам;
- лицам, которые совершили преступления, не достигнув возраста 18 лет;
- мужчинам, которые к моменту вынесения приговора достигли возраста 65 лет.

Круг указанных лиц была расширен в 2009 г., когда указанная статья была дополнена частью 2.1, согласно которой запрещалось назначать уголовное наказание в виде смертной казни лицу, которое выдано России иностранным государством в рамках международного договора для уголовного преследования, если на момент выдачи в соответствующем государстве смертная казнь к такому лицу не могла быть применена

Ч. 3 ст. 59 УК РФ также предусматривает возможность замены смертной казни пожизненным лишением свободы либо лишением свободы на срок 25 лет

в порядке помилование. Соответствующие полномочия предоставлены Президенту РФ нормами действующей Конституции.

Далее следует сказать о сложившихся реалиях. А они таковы, что де-факто смертная казнь в России уже на протяжении многих лет не применяется ввиду наложенного моратория. Изначально мораторий был наложен связи с вступлением России в Совет Европы и признанием юрисдикции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Тем не менее, на законодательном уровне, в том числе на уровне Конституции, возможность применения смертной казни не отменялась, а соответствующие вопросы решались в рамках судебные практики, в частности, практики Конституционного Суда.

Формальным основанием для наложения моратория на применение смертной казни стала необеспеченность возможности рассмотрения соответствующих дел судами с участием присяжных заседателей на всей территории страны (в каждом субъекте РФ). Далее в 2009 г. Конституционным Судом РФ была подтверждена невозможность применения смертной казни, однако уже не временно, в связи с невозможностью рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, а постоянно. При этом в качестве основания такого решения Конституционный Суд РФ указал на ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров, что поскольку Россия приняла на себя международные обязательства отказаться от применения смертной казни, то она должна им следовать неукоснительно [3].

Таким образом, дискуссия на государственном уровне касательно смертной казни была завершена условно. Тем не менее, вопрос решён исключительно на уровне практики; законодательно точка не поставлена. И в этой связи принципиально важно рассмотреть аргументы как «за», так и «против» применения смертной казни в качестве наказания за особо тяжкие преступления.

Аргументы против. Одним из важнейших аргументов против применения смертной казни являются положения ст. 303 УК РФ, предусматривающие

ответственность за фальсификацию доказательств в результате оперативно розыскной-деятельности. Ч. 3 указанной статьи за фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. В ч. 4 ст. 303 за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, предусматривает максимальную санкцию лишения свободы на срок до 4-х лет.

Учитывая санкции такого характера за фальсификацию материалов уголовных дел и доказательств, вряд ли целесообразно говорить об уместности возвращение в судебную практику смертной казни. Ведь лицо, ввиду умышленных преступных действий которого кто-либо казнён, может быть осуждено не более чем на 4 или 7 лет лишения свободы. Более того, в этих случаях не исключено назначение менее жёстких наказаний, а также освобождение от отбывания наказания условно досрочно, что предполагает возможность еще большего смягчения наказания. Поэтому прежде чем возвращаться к практике применения рассматриваемого наказания, целесообразно пересмотреть санкции указанной статьи, предусмотрев соразмерные наказания, с учетом тяжести последствий фальсификации доказательств о причастности кого-либо к совершению особо тяжкого преступления.

Если абстрагироваться от российских реалий и рассмотреть, например, опыт США, то противники американского института смертной казни в числе аргументов против данного вида наказания отмечают отсутствие в обществе равенства, а именно расизм, «расовое неравенство при применении этого наказания (racial disparity)» [8, 257 с.].

Думается, что для России проблема расизма не столь остра ввиду специфики её исторического и культурного развития. При этом дискриминацию по национальному признаку и тут нельзя исключить в полной мере. Также дискриминация и по иным признакам вполне возможна, во всяком случае, косвенная. Так, не каждый гражданин способен оплатить дорогостоящую адвокатскую помощь, что крайне важно в условиях состязательного уголовного процесса. Что же касается качества адвокатской помощи, предоставляемой в рамках государственной гарантии на бесплатной основе, то её уровень вызывает вопросы. Соответственно, в этом плане многие граждане уже оказываются в неравном положении. Хотя это лишь авторское мнение, а не утверждение.

Более того, противниками смертной казни высказывается и мнение о возможности допущения как судом, так и органами предварительного расследования каких-либо ошибок, которые могут повлечь вынесение неправомерного приговора, и в этой связи именно пожизненное лишение свободы выступает адекватной альтернативой смертной казни. При этом все три цели наказания, провозглашённые нормами УК РФ, достигаются. То есть пожизненное лишение свободы позволяет профилактировать преступление, отвечает общественным запросам как довольно суровая мера, и в то же время не исключает возможности для преступника исправиться [5, с. 368].

Противниками смертной казни также отмечается отсутствие у преступника возможности исправиться в случае назначения наказания в виде смертной казни, при том, что другие способы наказания оставляет возможность для такого исправления [4, с. 102]. В этой связи невозможно не согласиться с представленной позицией.

Более того, смертная казнь, с точки зрения ее противников, не решает проблемы, поскольку и до ее фактической отмены преступления были, несмотря на то, что смертная казнь всегда была устрашающим фактором [4, с. 103]. И вряд ли с этим мнением можно поспорить.

К тому же, казнь, пусть и по приговору суда, «является всё тем же убийством, только узаконенным на государственном уровне» [4, с. 103]. В этом плане возникает некоторое противоречие с идеями гуманизации, культивируемыми в современном обществе, в том числе, на государственном уровне.

Однако есть и довольно прочные аргументы в пользу идеи введения в судебную практику смертной казни. В частности, сторонники ее возвращения полагают, что такой вид наказания обеспечивает возможность реализации обеих базовых целей:

- оказывает мощное профилактическое воздействие;
- восстанавливает социальную справедливость [5, с. 368].

Нет оснований отрицать указанные аргументы. Тем не менее, нельзя не сказать о том, что о цели исправления в этом случае речи уже не идет, и этот аспект тоже признается сторонникам указанных аргументов.

Думается, что высокий превентивный потенциал смертной казни [6, с. 501] не следует отрицать, несмотря на то, что введение такого вида наказания не дает возможности полностью искоренить преступность, во всяком случае, связанную с совершением тяжких преступлений.

Примечательно, что среди принципиальных сторонников смертной казни есть и те, кто не отрицает оправданность ее отмены, но только в других реалиях. Так, А. И. Корбеев рассчитывает, что в отдаленной перспективе, возможно, сложатся условия для отмены. «Пока же, как нам представляется, смертную казнь в России применять не только можно, но и нужно, по крайней мере за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств (особенно тех, что сопряжены с преступлениями террористической направленности). Иначе альтернативой этому виду наказания в реальной жизни будут по-прежнему оставаться акты самочинной расправы или завуалированные под самооборону либо правомерное задержание преступников акции по их физическому уничтожению» [9, с. 198].

Есть и те, кто считает вопрос о смертной казни открытым, не решенным до конца [7, с. 159], и такое мнение в целом обоснованно, поскольку де-юре нормы о смертной казни в УК РФ не отменены.

Нельзя не отметить и тот факт, что в литературе поднимается вопрос о необходимости учитывать мнение самого осужденного в случае назначения высшей меры наказания [10, с. 74].

Заключение

Таким образом, есть все основания заявить о том, что окончательно вопрос о смертной казни в России пока не решён, оставляется открытым, поскольку УК РФ содержит данное наказание как одну из мер, назначаемых за совершение особо тяжких преступлений, и Конституция РФ оставляет возможность для применения такого наказания. Отсутствие же приговоров о смертной казни обусловлено исключительно судебной практикой, прежде всего, позицией, высказанной Конституционным Судом РФ.

С точки зрения автора настоящей статьи, введение смертной казни в практику судебную практику вполне возможно, при условии выражения иной позиции Конституционного Суда РФ, и при обязательном обеспечении возможности рассмотрения дел об особо тяжких преступлениях судами присяжных.

И прежде целесообразно внести изменения в УК РФ, предусмотрев за преступления, связанные с фальсификацией доказательств по уголовным, наказания, соразмерные тем наказаниям, которые назначаются по сфальсифицированным доказательствам. Аналогичные меры целесообразно установить и за вынесение заведомо неправосудного приговора. Иными словами, в случае назначения гражданину, например, высшей меры уголовного наказания в результате фальсификации в отношении него доказательств и (или) в результате вынесения в отношении него заведомо неправосудного приговора, виновных лиц целесообразно привлекать в соразмерной ответственности – к высшей мере наказания. Во всяком случае, такой подход будет справедливым.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.; 2022. – 6 окт.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 29 декабря 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июн.; 2023. – 9 янв.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 19 нояб. 2009 г. № 1344-О-Р // Официальный интернет-портал Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision24593.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).
4. Волошин И. А., Чайка А. В. Смертная казнь: «за» или «против» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 2. С. 99-104.
5. Геранин В. В., Мальцева С. Н. Смертная казнь в России: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 3. С. 366-377.
6. Дворецкий М. Ю., Анапольская А. И. Смертная казнь: за и против // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4(48). С. 497-502.
7. Зоиров Д. М., Щендригин Е. Н. Смертная казнь и право на жизнь: юридическая теория и правоохранительная практика // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 158-162.
8. Квашиш В. Е. Куда идет смертная казнь : мировые тенденции, проблемы и перспективы. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. 606 с.
9. Коробеев А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 7(116). С. 190-199.
10. Полищук Н. И. Мораторий на смертную казнь и его легитимность // Государство и право. 2015. № 7. С. 68-74.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. – 1993. – 26 dek.; 2022. – 6 okt.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyunya 1996 g. (s izm. i dop. ot 29 dekabrya 2022 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; 2023. – 9 yanv.
3. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 noyab. 2009 g. № 1344-O-R // Oficial`ny`j internet-portal Konstitucionnogo Suda RF. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision24593.pdf> (data obrashheniya: 20.02.2025).
4. Voloshin I. A., Chajka A. V. Smertnaya kazn`: «za» ili «protiv» // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5, № 2. S. 99-104.
5. Geranin V. V., Mal`ceva S. N. Smertnaya kazn` v Rossii: sostoyanie i perspektivy` // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2021. T. 29, № 3. S. 366-377.
6. Dvoreczkij M. Yu., Anapol`skaya A. I. Smertnaya kazn`: za i protiv // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13, № 4(48). S. 497-502.
7. Zoirov D. M., Shhendrigin E. N. Smertnaya kazn` i pravo na zhizn`: yuridicheskaya teoriya i pravooxranitel`naya praktika // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2013. № 10. S. 158-162.
8. Kvashis V. E. Kuda idet smertnaya kazn` : mirovy`e tendencii, problemy` i perspektivy`. SPb. : Yuridicheskij centr-Press, 2011. 606 s.
9. Korobeev A. I. Smertnaya kazn`: celesoobraznost` soxraneniya // Lex Russica (Russkij zakon). 2016. № 7(116). S. 190-199.
10. Polishhuk N. I. Moratorij na smertnyuyu kazn` i ego legitimnost` // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 7. S. 68-74.

Научная статья

УДК 343

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

**Раджам Ниту, к.ю.н., Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания,
rajamnitu.dk@gmail.com**

Аннотация

Настоящая статья имеет целью изучение законодательных и научных проблем установления пределов необходимой обороны и разработку рекомендаций по совершенствованию норм российского уголовного законодательства, на основе которых такие пределы определяются. В ней рассматриваются конституционные основы права гражданина на самооборону, базовые положения Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющие пределы необходимой обороны и некоторые иные законодательные положения исследуемого института. Анализируются некоторые дискуссионные вопросы регулирования необходимой обороны, отражаемые в литературе, в частности, проблема своевременности оборонительных действий, проблема регулирования признаков, характеризующих опасное посягательство, при наличии которых обороняющийся вправе причинить вред преступнику, проблема конкретизации условий необходимой обороны, проблема пересмотра подхода к регламентации института необходимой обороны. Автор делает вывод о целесообразности пересмотра такого подхода и обеспечении большей лояльности к лицам, реализующим право на необходимую оборону; предлагается предусмотреть широкий перечень признаков посягательства, характеризующих его опасность и предоставляющих право обороняющемуся причинять в целях защиты себя или иных лиц любой вред нападающему. Также формулируется рекомендация о внесении изменения в ч. 1 ст. 37 УК РФ, существенно расширяющие допустимые пределы необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, преступление, самозащита, уголовная ответственность, уголовное право, Уголовный кодекс РФ

Статья поступила в редакцию 30.03.2025, одобрена после рецензирования 11.05.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

ON THE QUESTION OF THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

Neethu Rajam, Candidate of Law, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark

Abstract

The purpose of this article is to study the legislative and scientific problems of establishing the limits of necessary defense and to develop recommendations for improving the norms of Russian criminal legislation, on the basis of which such limits are determined. It examines the constitutional foundations of a citizen's right to self-defense, the basic provisions of the Criminal Code of the Russian Federation defining the limits of necessary defense, and some other legislative provisions of the institution under study. Some controversial issues of regulation of necessary defense reflected in the literature are analyzed, in particular, the problem of timely defensive actions, the problem of regulating the signs that characterize a dangerous encroachment, in the presence of which the defender has the right to harm the criminal, the problem of specifying the conditions of necessary defense, the problem of revising the approach to regulating the institute of necessary defense. The author concludes that it is advisable to review this approach and ensure greater loyalty to persons exercising the right to necessary defense; it is proposed to provide for a wide list of signs of encroachment that characterize its danger and grant the defender the right to cause any harm to the attacker in order to protect himself or other persons. A recommendation is also

formulated to amend Part 1 of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, which significantly expands the permissible limits of necessary defense.

Keywords: necessary defense, limits of necessary defense, crime, self-defense, criminal liability, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Рассматриваемый институт является вполне традиционным для уголовного права ввиду того, что само явление необходимой обороны, как отмечают А. В. Никуленко и М. А. Смирнов, имело место «на всех этапах развития государственности и законодательства не только в России, но и в других странах» [9, с. 113]. При этом вопрос о пределах необходимой обороны всегда был и остаётся спорным и с позиции законодательного регулирования, и с позиций правоприменительной практики, и с позиций научного осмысления, что послужило главным аргументом в пользу выбора данной темы для исследования.

Целью настоящей статьи, с учетом изложенного, является изучение законодательных и научных проблем установления пределов необходимой обороны и разработка рекомендаций по совершенствованию норм российского уголовного законодательства, на основе которых такие пределы определяются.

Основная часть

Уголовно-правовой институт необходимой обороны во многом основывается на базовых положениях Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), так как именно этот документ закрепляет базовые права и свободы человека и гражданина, в том числе и право «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ст. 45).

Помимо того, наличие института необходимой обороны в отечественном уголовном праве соответствует общей логике Конституции РФ, провозглашающей права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а также признающей и гарантирующей защиту права человека на жизнь, что тоже

является значимой предпосылкой право на самооборону в определённых разумных пределах.

В Уголовном кодексе Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) положения о необходимой обороне и её пределах расположены в главе 8 «Обстоятельства, исключаящие преступность, деяния». И надо признать их достаточную детализированность, которую следует оценивать исключительно положительно.

Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ, необходимая оборона трактуется как защита личности и прав обороняющегося гражданина либо иных лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено:

- либо с насилием, опасным для жизни обороняющегося;
- либо с насилием, опасным для жизни иного человека;
- либо с непосредственной угрозой применения насилия, опасного для жизни.

В таком случае допускается причинение лицу, представляющему угрозу, любого вреда, что представляется вполне разумным. Однако здесь важно подчеркнуть, что законодатель исключает признанием необходимой обороной случаев причинения вреда, когда насилие посягающего не представляет опасности для жизни, даже если имеется если речь идёт о насилие опасном для здоровья или об угрозе причинения вреда здоровью. И такой подход, безусловно, является весьма спорным.

В ч. 2 ст. 37 УК РФ законодатель регламентируется вопрос необходимой обороны применительно к ситуациям самообороны от посягательства, которое не представляет опасности для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Именно в таких случаях приобретает значение вопрос о пределах правомерного причинения вреда (пределах необходимой обороны): по замыслу законодателя, в такого рода

случаях не допустимы умышленные действия, которые явно не соответствуют характеру и опасности посягательства.

В связи с изложенным особенно важно отметить, что ч. 2.1 УК РФ исключает рассмотрение в качестве превышения пределов необходимой обороны таких действий обороняющегося индивида, которые были совершены им «вследствие неожиданности посягательства», что обуславливало невозможность «объективно оценить степень и характер опасности нападения». Данное положение является вполне логичным. В то же время, оно является чрезвычайно неопределёнными и размытыми для его эффективного и справедливого применения в юридической практике, связанной с квалификацией деяний, сопряжённых с самообороной.

Примечательно, что согласно ч. 3 ст. 37 УК РФ, законодатель распространяет нормы о необходимой обороне в равной мере на всех лиц, вне зависимости от их от наличия либо отсутствия у них профессиональной или иной специальной подготовки или служебного положения, а также обстоятельств, дающих возможность избежать посягательства или воспользоваться чьей-либо помощью. Думается, что такой подход законодателя тоже во многом можно расценивать как спорный, поскольку наличие специальной подготовки может влиять на возможности гражданина причинить вред, на его способности сориентироваться в соответствующей ситуации и т. д. В этой связи ни коим образом не оспаривается законодательное признание права граждан, имеющих специальную подготовку на необходимую оборону, особенно с учётом декларируемого в уголовном праве принципа равенства всех перед законном судом. Однако нельзя сбрасывать со счетов объективные существенные различия между гражданами, не владеющими специальными навыками (например, навыками единоборств), и лицами, владеющими такими навыками.

Надо сказать, что необходимая оборона предусмотрена не только нормами об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, но и включена в круг обстоятельств, смягчающих наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ), что позволяет

рассматривать вопросы о самообороне применительно к довольно широкому кругу преступлений, прежде всего, насильственных.

Помимо того, законодатель выделил специальный состав преступления – ч. 1 ст. 108 УК РФ, а именно убийство «при превышении пределов необходимой обороны», ответственность за которое предполагает назначение максимального наказания не более двух лет лишения свободы. В этом плане можно отметить достаточную лояльность отечественного законодателя к лицам, которые, превышая пределы необходимой обороны, совершают убийство. И, учитывая, что преступные посягательства часто могут представлять опасность жизни или здоровью, а характер таких посягательств не всегда может быть адекватно оценён обороняющимся, указанный подход законодателя в части проявления лояльности к обороняющимся субъектам вполне логичен.

В науке уголовного права многие вопросы необходимой обороны и её пределов являются предметами острых дискуссий, в связи с чем особое внимание необходимо обратить на научный аспект данной проблематики и те условия, через призму которых оценивается необходимая оборона и ее пределы. Так, Е. В. Герасимова подчеркивается особую значимость соответствия обороны посягательству по времени, что означает невозможность признания обороны допустимой, если он носит «преждевременный» и «запоздалый» характер, «так как пределы своевременной необходимой обороны определяются начальными и конечными моментами общественно опасного посягательства» [6, с. 7]. Иными словами, причиняемый преступнику вред не может быть расценён в качестве необходимой обороны, если обороняющийся гражданин совершил соответствующие действия во время подготовки преступника или же после окончания нападения. Во всяком случае, такой позиции придерживаются законодатель, Пленум Верховного Суда РФ [3], а также ученые, в частности, Е. В. Герасимова, о чем сказано выше.

Важно подчеркнуть, что многие аспекты, касающиеся пределов необходимой обороны, в научной литературе, как и в правоприменительной

практике, рассматриваются в контексте позиции, отраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 [3]. В указанном документе Пленум дал ряд крайне важных разъяснений, однако многие вопросы необходимой обороны и после его принятия по-прежнему остались спорными, поскольку Пленумом она раскрыто недостаточно детально.

В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов, анализируя указанное Постановление, отмечают необходимость дачи Пленумом более детального разъяснения признаков опасности посягательства, и предлагают включить в круг такого рода признаков, в частности:

- высказывания посягающего о намерении на причинение вреда;
- демонстрации оружия или заменяющих его предметов;
- агрессивное поведение посягающего;
- попытку посягающего схватить либо удерживать обороняющегося за одежду, руки, туловище;
- попытку преследования или резко сократить дистанцию с обороняющимся или другим лицом и пр. [8].

М. И. Казарина и И. А. Барканов считают возможным включение в перечень признаков посягательства, опасного для обороняющегося или иных лиц, таких обстоятельств, как «алкогольное опьянение посягавшего, отношения между посягавшим и обороняющимся, интенсивность посягательства, причиненный оборонявшемуся и посягавшему вред здоровью, характеристики предмета, используемого посягавшим в качестве оружия» [7, с. 14].

Думается, что реализация такого подхода может способствовать обоснованной конкретизации пределов необходимой обороны. Но, предусматривая их в законе либо соответствующем постановлении Пленума, важно исключить возможность чрезмерно широкой их трактовки, чтобы избежать злоупотреблений в правоприменительной практике. А пока и в УК РФ, и в разъяснения Пленума признаки, определяющие необходимую оборону и ее пределы, остаются весьма размыты.

Т. Ю. Орешкина отмечает отсутствие в ч. 1 ст. 37 УК РФ указания на цель, с которой обороняющийся причиняет вред посягающему лицу. По ее мнению, фразы о том, что причинение вреда осуществляется «при защите личности и прав обороняющегося или других лиц...», недостаточно для оценки действий обороняющегося, поскольку он может преследовать и другую цель, например, цель мести, хотя и причинять вред в ситуации самообороны [10, с. 77]. Такое замечание вполне оправданно. Поэтому законодателю или Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно обратить внимание на проблему цели обороняющегося.

О.П. Арзамасцев среди проблем рассматриваемого института видит «нестабильность и шаткость судебной практики» [5, с. 106], в чем никак нельзя усомниться. Это означает, что проблема заключена не только в законодательстве. Хотя именно законодательство создает предпосылки для нестабильной практики.

В работе Т. Т. Алиева указывается необходимость принципиальной переоценки степени правомерности необходимой обороны, исходя из принципа соразмерности ответственности характеру посягательства [4, с. 8]. Думается, данный автор прав и пересмотр подхода к оценке пределов необходимой обороны действительно нужен. При этом целесообразно обратиться и к опыту зарубежных стран, законодатели которых более лояльны к обороняющимся гражданам, чем российский законодатель [9, с. 116].

Заключение

Подход российского законодателя в части определения пределов необходимой обороны нуждается в пересмотре с целью обеспечения более лояльного отношения к лицам, реализующим свое право на необходимую оборону. Представляется важным зафиксировать максимально широкий перечень признаков посягательства, характеризующих его опасность и предоставляющих право обороняющемуся причинять в целях защиты себя или иных лиц любой вред нападающему. Такой перечень может быть предусмотрен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, либо в ст. 37 УК РФ, либо в ст. 108 УК РФ (в качестве примечания).

Предлагается также внести изменения в ч. 1 ст. 37 УК РФ, исключив признание преступлением причинение вреда посягающему лицу, если соответствующее посягательство было сопряжено с насилием, опасным не только для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, но и с насилием, опасным для здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 26 дек.; 2022. – 6 окт.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июн.; 2022. – 22 июл.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (с изм. и доп. от 31 мая 2022 г.) // Рос. газ. – 2012. – 3 окт.
4. Алиев Т. Т. Необходимая оборона: проблемы квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 5–8.
5. Арзамасцев О. П. Судебные ошибки по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 2(18). С. 104–109.
6. Герасимова Е. В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 7–11.

7. Казарина М. И., Барканов И. А. О критериях отграничения необходимой обороны от превышения пределов необходимой обороны // *ГлаголЪ правосудия*. 2020. № 2(24). С. 11–14.
8. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Необходимая оборона: проблема своевременности оборонительных действий при угрозе посягательства // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2017. № 6(239). С. 91–95.
9. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 3(87). С. 111–117.
10. Орешкина Т. Ю. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния // *Lex Russica (Русский закон)*. 2015. Т. 100, № 3. С. 73–85.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // *Ros. gaz.* – 1993. – 26 dek.; 2022. – 6 okt.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyunya 1996 g. (s izm. i dop. ot 14 iyulya 2022 g.) // *Ros. gaz.* – 1996. – 18-20 iyun.; 2022. – 22 iyul.
3. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27 sentyabrya 2012 g. № 19 «O primenении sudami zakonodatel`stva o neobxodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii licza, sovershivshego prestuplenie» (s izm. i dop. ot 31 maya 2022 g.) // *Ros. gaz.* – 2012. – 3 okt.
4. Aliev T. T. Neobxodimaya oborona: problemy` kvalifikacii // *Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk*. 2016. № 2. S. 5–8.
5. Arzamascev O. P. Sudebny`e oshibki po delam, svyazanny`m s primenением zakonodatel`stva o neobxodimoj oborone // *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo*. 2017. Т. 5, № 2(18). S. 104–109.

6. Gerasimova E. V. K voprosu ob usloviyax pravomernosti neobxodimoy oborony` // Aktual`ny`e voprosy` bor`by` s prestupleniyami. 2015. № 2. S. 7–11.
7. Kazarina M. I., Barkanov I. A. O kriteriyax otgranicheniya neobxodimoy oborony` ot prevy`sheniya predelov neobxodimoy oborony` // Glagol` pravosudiya. 2020. № 2(24). S. 11–14.
8. Merkur`ev V. V., Tarakanov I. A. Neobxodimaya oborona: problema svoevremennosti oboronitel`ny`x dejstvij pri ugroze posyagatel`stva // Pravo v Vooruzhenny`x Silax – Voенno-pravovoe obozrenie. 2017. № 6(239). S. 91–95.
9. Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Neobxodimaya oborona i prevy`shenie eyo predelov: vozmozhnosti zakonodatel`nogo sovershenstvovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3(87). S. 111–117.
10. Oreshkina T. Yu. Sistema obstoyatel`stv, isklyuchayushhix prestupnost` deyaniya // Lex Russica (Russkij zakon). 2015. T. 100, № 3. S. 73–85.

Научная статья

УДК 343.22

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

**Белов Валерий Александрович, к.ю.н., самозанятый,
irmakeevaurin@outlook.com**

Аннотация

Установление минимального возрастного порога уголовной ответственности – одна из актуальнейших проблем отечественной юриспруденции, поскольку напрямую связана с правовой охраной жизненно важных интересов личности, государства и общества. Эта проблема отечественным законодателем решается с учётом норм международного права, которое не устанавливает жёстких требований в части правового регулирования возрастных аспектов уголовной ответственности. Подход российского законодателя, рассматриваемый в данной статье, предполагает установление шестнадцатилетнего возраста наступления уголовной ответственности по «общему правилу», а применительно к отдельным категориям преступлений – с четырнадцатилетнего возраста. При этом круг преступлений, за которые гражданин может быть привлечён к ответственности с 14 лет, довольно узкий, не включает многие составы преступлений, которые способно совершить лицо до 16 лет. С учётом этого исследователи предлагаются разные подходы к решению проблемы регулирования возраста уголовной ответственности, которые рассматриваются в данной статье. Помимо того, автор изучает и зарубежный опыт регулирования возрастных аспектов уголовной ответственности. На основе этого в статье предлагается рассмотреть вопрос о снижении минимального предела привлечения к уголовной ответственности, но с обязательным вынесением соответствующего вопроса на широкое общественное обсуждение.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, несовершеннолетний, ответственность несовершеннолетнего, субъект преступления, субъект уголовной ответственности, уголовная ответственность, УК РФ.

Статья поступила в редакцию 03.05.2025, одобрена после рецензирования 12.06.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

CURRENT ISSUES OF ESTABLISHING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Valery Belov, Candidate of Law, Self-employed

Abstract

The establishment of a minimum age threshold for criminal liability is one of the most urgent problems of Russian jurisprudence, since it is directly related to the legal protection of vital interests of the individual, the state and society. This problem is solved by the domestic legislator taking into account the norms of international law, which does not establish strict requirements for the legal regulation of age-related aspects of criminal liability. The approach of the Russian legislator, considered in this article, assumes the establishment of a sixteen-year age of criminal responsibility according to the "general rule", and in relation to certain categories of crimes – from the age of fourteen. At the same time, the range of crimes for which a citizen can be brought to justice from the age of 14 is rather narrow, and does not include many elements of crimes that a person can commit before the age of 16. With this in mind, the researchers propose different approaches to solving the problem of regulating the age of criminal responsibility, which are considered in this article. In addition, the author also studies foreign experience in regulating the age-related aspects of criminal liability. Based on this, the article suggests considering the issue of reducing the

minimum age limit for criminal prosecution, but with the mandatory submission of the relevant issue to a broad public discussion.

Keywords: age of criminal responsibility, minor, responsibility of a minor, subject of crime, subject of criminal responsibility, criminal liability, Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Возрастной критерий, связываемый с достижением лицом определенного возраста, установленного Уголовным кодексом Российской Федерации [2] (УК РФ), является неотъемлемым условием привлечения к уголовной ответственности, в соответствии со ст. 19. Поэтому вопрос возраста субъекта преступления находится в числе главных аспектов теоретико-методологической и правотворческой проблематики Общей части современно отечественного уголовного права.

Несмотря на конкретность минимального возрастного предела, определяющего допустимость привлечения гражданина к уголовной ответственности, тема установления возраста наступления этой ответственности относится к числу наиболее неоднозначных. Во многом это продиктовано избирательностью законодателя в части снижения возрастного критерия для признания лица субъектом уголовной ответственности: в отношении лиц, совершивших отдельные категории преступлений, УК РФ предусматривает пониженный возраст уголовной ответственности (ч. 2 ст. 20 УК); более того, в отдельных случаях соответствие лица, совершившего общественно опасное противоправное деяние, возрастному критерию, может вовсе нивелироваться, что исключает привлечение его к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК).

Ввиду наличия указанных обстоятельств логично возникает ряд вопросов: каков должен быть минимальный возрастной порог уголовной ответственности «по общему правилу»; насколько уместно отклоняться от «общего правила» и снижать возрастной порог уголовной ответственности применительно к случаям

совершения отдельных категорий преступлений; целесообразно ли законодательно снизить 14-летний возрастной порог уголовной ответственности применительно к отдельным категориям преступлений? Указанные вопросы актуальный и в законодательном аспекте, с точки зрения совершенствования законодательства, и с точки зрения научно-теоретического осмысления условий уголовной ответственности. Поэтому цель данной статьи состоит в поиске теоретических ответов на указанные вопросы и рассмотрении вопроса о пересмотре норм уголовного законодательства в части установления минимального возраста уголовной ответственности.

Международно-правовые и национальные законодательные основы установления минимального возраста наступления уголовной ответственности

Вопросы, связанные с установлением минимального возрастного порога наступления уголовной ответственности определены как на международном, так и на национальном уровне. Здесь в первую очередь следует обратить внимание на Конвенцию о правах ребенка [1] и ее ст. 1, согласно которой, «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее».

Затрагивает указанная Конвенция и некоторые аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, в том числе и возрастные аспекты. Так, ст. 37 обязывает каждое государство-участника Конвенции не допускать назначение лицам, не достигшим 18 лет, таких видов уголовных наказаний, как смертная казнь и пожизненное тюремное заключение без права освобождения. Кроме того, ст. 40 Конвенции обязывает каждое государство, в частности, стремиться к «установлению минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство».

То есть решение вопросов, касающихся установления минимального возрастного порога наступления уголовной ответственности, исходя из

положений указанной Конвенции, оставлено на усмотрение законодателей каждого из государств. Единственное конкретизированное условие относительно возрастных характеристик несовершеннолетних субъектов преступления выражается в наложении на государство обязанности не допускать назначение высшей меры уголовного наказания гражданам до 18 лет. Это означает, что де-юре у органов законодательной власти, действующих на национальном уровне, есть возможность установить практически любой минимальный порог уголовной ответственности, при условии, что ребенок в том или ином возрасте способен нарушить уголовное законодательство.

И. Г. Савицкая обосновывает такой подход к международно-правовому регулированию возрастного аспекта уголовной ответственности «прежде всего различными традициями, культурными и иными ценностями общества, в котором ребенок рождается, воспитывается и привлекается к ответственности за совершенные им противоправные деяния» [7, с. 135]. Такой взгляд имеет под собой определённые основания, в силу неодинакового исторического пути развития стран и различий в развитии правовых систем.

Кроме того, каждое из государств имеет суверенитет, обеспечивающий определённую свободу правового регулирования и решения иных вопросов юридического характера. Поэтому в рамках ООН соответствующие вопросы регулируются лишь в самом общем аспекте, дающем широкие возможности для выбора тех или иных вариантов решения проблем на национальном уровне правового регулирования.

Российская Федерация, основываясь на международных правовых стандартах и учитывая собственный правовой опыт, установила 18-летний возраст наступления совершеннолетия. При этом к установлению минимального возрастного порога наступления уголовной ответственности в ст. 20 УК РФ использован несколько иной подход:

1) «по общему правилу» гражданин подлежит уголовной ответственности с по достижении 16 лет на момент совершения преступления;

2) за совершение преступлений отдельных категорий гражданин подлежит уголовной ответственности по достижении 14 лет на момент совершения преступления;

3) в отношении гражданина, не достигшего возраста 14 лет, совершившего противоправное общественно опасное деяние, уголовная ответственность не предусмотрена;

4) в отношении несовершеннолетних лиц, достигших возраста уголовной ответственности, но ввиду отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не осознающих в полной мере фактического характера и опасности своих деяний, реализация ответственности исключена.

То есть российский законодатель, с одной стороны, подходит к решению вопроса о возрасте субъекта преступления формально, устанавливая конкретные возрастные рамки; с другой стороны, допускает учёт фактических обстоятельств, при которых может быть исключено привлечение к уголовной ответственности не достигшего совершеннолетия, но достигшего возраста уголовной ответственности гражданина, если таковой «вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Нельзя не обратить особое внимание ч. 2 ст. 20 УК РФ, предусматривающую пониженный возрастной порог для привлечения к ответственности за совершение отдельных категорий преступлений. По состоянию на 2022 г. насчитывается в указанную норму включен 31 состав преступления, среди которых убийство (ст. 105), умышленное причинение вреда здоровью (ст.ст. 111–112) и некоторые иные преступления насильственного характера, кража (ст. 158) и иные преступные посягательства имущественного характера, преступления террористической и экстремистской направленности (ст.ст. 205, 205.3, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, 207 и пр.).

Дискуссионные вопросы установления минимального возраста наступления уголовной ответственности

Нельзя не отметить особую сложность установления возраста наступления уголовной ответственности, поскольку та или иная мера уголовно-правового регулирования предполагает учёт особого положения ребёнка как субъекта, чьи права должны соблюдаться государством [7, с. 136]. Учитывая этот аспект, Ген. Ассамблея ООН даже уклонилась от конкретизации возрастных аспектов привлечения к уголовной ответственности, оставив решение этого вопроса законодателям каждой отдельной страны.

В то же время нельзя без внимания и без установления должных мер ответственности случаи, когда несовершеннолетние граждане совершают те или иные деяния, представляющие опасность не только для других граждан и общества, но и для государства и его конституционного строя.

В контексте рассмотрения дискуссионных вопросов установления минимального возраста, наступления уголовной ответственности внимание привлекает перечень, предусмотренный ч. 2 ст. 20 УК РФ, который, как было отмечено ранее, охватывает 31 преступление. При этом широкий круг уголовно наказуемых деяний, отличающихся особой опасностью для личности, общества и государства, не включён в указанный перечень. Среди них, например, преступления, связанные с диверсионной деятельностью, а также преступления военные. Но гипотетически нельзя исключить, что гражданин достигший, достигший 14 лет, не может осознанно совершить преступления такого характера.

Вместе с тем, в литературе уже давно высказывалось мнение о нецелесообразности снижения минимального возрастного порога уголовной ответственности ввиду незначительности доли преступлений, совершаемых гражданами, не достигшими возраста 16 лет [4].

С другой стороны, есть и иные мнения, в частности, И. Г. Савицкой, которая предлагает на международном уровне установить единый

стандартизированный возрастной критерий привлечения к уголовной ответственности – 14 лет. В этом возрасте, с ее точки зрения, гражданин, как правило, осознает совершаемые акты своего поведения [7, с. 139].

Можно обратить внимание и на зарубежный опыт. О. В. Белякова в этой связи подчёркивает, что в подавляющем большинстве государств минимальный порог уголовной ответственности несовершеннолетних колеблется от 14 до 18 лет. При этом есть и отдельные государства-исключения, в которых уголовная ответственность наступает с 7 лет (Катар, Кувейт, Сирия, Таиланд, Египет, Индия), с 8 лет (Индонезия, Кения), с 12 лет (Бразилия, Греция, Израиль, Канада и др.) [3].

Если же обратиться к отечественной, прежде всего, советской истории, то станет очевидно, что и на протяжении неё вопрос установления минимального возраста уголовной ответственности решался по-разному. Так, с 1918 года уголовная ответственность наступала с 17 лет, с 1920 года – с 14 лет, с 1929 года – с 16 лет, с 1935 года – с 12 лет, с 1941 года – с 14 лет [8, с. 212]. То есть и отечественный законодатель в этом плане не проявлял какой-то стабильности.

Автор в большей мере склонен поддерживать идею снижения возраста уголовной ответственности и расширения круга преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет. В то же время в литературе высказываются мнения о том, что репрессивный подход в вопросе снижения возраста уголовной ответственности противоречит многим стратегическим нормативным документам, на основе которых развивается национальная политика в отношении детей [9, с. 106]. Но это не препятствует представителям законодательных органов власти высказывать идеи о снижении возрастного порога уголовной ответственности до 12 лет [6, с. 104]. Такие идеи вполне заслуживают внимания и нуждаются если не в поддержке, то, по крайней мере, в рассмотрении, осмыслении, обсуждении, с учетом современных реалий, не исключая совершения тяжких и особо тяжких преступлений лицами, не

достигшими возраста уголовной ответственности, установленного нормами УК РФ по состоянию на 2022 год.

Однако важно учитывать, что до наступления возраста 18 лет гражданин не может в полной мере нести уголовную ответственность, во всяком случае, высшая мера наказания (пожизненное лишение свободы) ему назначена быть не может. И в этом смысле нельзя согласиться с мнением. Л. Н. Дегтярёвой, указывающей на то, что «в полном объёме нести ответственность за совершенное преступление может ребенок по достижении 16 лет» [5, с. 28].

Заключение

Таким образом, установленный отечественным законодательством возраст уголовной ответственности в целом соответствует международным стандартам и международной практике. В то же время российский законодатель не учитывает гипотетическую возможность совершения уголовно наказуемых деяний лицами, которые не достигли возраста уголовной ответственности, установленного нормами УК РФ по состоянию на 2022 год. В связи с этим целесообразно пересмотреть подход в сторону снижения минимального возрастного порога уголовной ответственности до 12 лет. Конечно, этот вопрос следует решать с учётом актуальной правоприменительной практики и с учетом результатов публичного обсуждения.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка : одобр. Ген. Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г. : вступ. в силу для СССР 15 сен. 1990 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 45. – ст. 955.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 25 мар. 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня.; 2022. – 28 мар.

3. Белякова О.В. К вопросу определения возрастных границ уголовной ответственности несовершеннолетних // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 9. С. 167–169.
4. Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. 2000. № 11. С. 23–24.
5. Дегтярева Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. 78 с.
6. Красовская О. Ю., Лебедева А. С. К вопросу о применении минимального возраста уголовной ответственности // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития : сб. ст. IV Межд. науч.-практ. конф. (Пенза, 10 мая 2019 г.) Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 103–105.
7. Савицкая И. Г. Международно-правовые аспекты определения минимального возраста наступления уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2022. № 1(9). С. 135–141.
8. Савченко Е. О., Кузнецова Е. С. Возраст как условие привлечения лица к уголовной ответственности // Закон и право. 2019. № 7. С. 211–213.
9. Хромова Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. № 4(256). С. 96–109.

References

1. Konvencija o pravah rebenka : odobr. Gen. Assambleej OON 20 noyab. 1989 g. : vstup. v silu dlya SSSR 15 sen. 1990 g. // Vedomosti SND SSSR i VS SSSR. – 1990. – № 45. – st. 955.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii

Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 25 mar. 2022 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; 2022. – 28 mar.

3. Belyakova O.V. K voprosu opredeleniya vozrastny`x granicz ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnix // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2011. № 9. S. 167–169.

4. Vasil`evskij A. Vozrast kak uslovie ugolovnoj otvetstvennosti // Zakonnost`. 2000. № 11. S. 23–24.

5. Degtyareva L. N. Teoretiko-pravovy`e osnovy` zashhity` konstitucionny`x prav i svobod nesovershennoletnix v Rossii: monografiya. Tambov: OOO «Konsaltingovaya kompaniya Yukom», 2017. 78 s.

6. Krasovskaya O. Yu., Lebedeva A. S. K voprosu o primenении minimal`nogo vozrasta ugolovnoj otvetstvennosti // Pravovaya sistema i sovremennoe gosudarstvo: problemy`, tendencii i perspektivy` razvitiya : sb. st. IV Mezhd. nauch.-prakt. konf. (Penza, 10 maya 2019 g.) Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. S. 103–105.

7. Saviczkaaya I. G. Mezhdunarodno-pravovy`e aspekty` opredeleniya minimal`nogo vozrasta nastupleniya ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnix // Ugolovno-processual`naya oxrana prav i zakonny`x interesov nesovershennoletnix. 2022. № 1(9). S. 135–141.

8. Savchenko E. O., Kuzneczova E. S. Vozrast kak uslovie privlecheniya licza k ugolovnoj otvetstvennosti // Zakon i pravo. 2019. № 7. S. 211–213.

9. Xromova N. M. Vozrast ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnix // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 4(256). S. 96–109.

Научная статья

УДК 343.85

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЗАДАЧА УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Харевич Дмитрий Людвинович, к.ю.н., доцент; доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь, dhavich.ops.by@gmail.com

Аннотация

Рассматривая проблематику предупреждения преступлений, автор раскрывает сущность этого феномена, выделяет общесоциальное и специальное предупреждение, сосредотачиваясь главным образом на последнем. Главное внимание в статье уделяется анализу отдельных норм УК РФ и УПК РФ, создающих основу для предупреждения преступлений. Рассматривая нормы УК РФ, автор подчёркивает ведущую роль наказания как средства предупреждения преступлений путём устрашения, поддерживает высказанную в литературе позицию о невозможности сведения предупредительных мер к установлению и практическому применению уголовных наказаний. В статье также рассматриваются нормы УПК РФ во взаимосвязи с задачами УК РФ, и отмечается формальное отсутствие предупредительной цели в уголовно-процессуальном законодательстве. Говорится об отсутствии единого координатора государственной политики по противодействию преступности, об отсутствии общей статистики, которая бы отражала не только состояние преступности, но и эффективность политики по предупреждению преступности. В заключительной части статьи подводятся итоги, в частности, формулируется предложение по внесению изменений в УПК РФ, предусматривающих в качестве назначения уголовного судопроизводства также предупреждение преступлений; говорится о необходимости выработки системного подхода к оценке

государственной политики в сфере предупреждения преступлений при ведущей роли прокуратуры.

Ключевые слова: задачи УК РФ, общее предупреждение преступлений, предупреждение преступлений, специальное предупреждение преступлений, уголовно-правовая политика, уголовное наказание, УК РФ, УПК РФ

Статья поступила в редакцию 18.03.2025, одобрена после рецензирования 20.04.2025, принята к публикации 14.06.2025.

Original article

CRIME PREVENTION AS A TASK OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

**Kharevich Dmitry Ludvikovich, Candidate of Law, Associate Professor;
Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activity of
the Faculty of Criminal Police, Academy of the Ministry of Internal Affairs of
the Republic of Belarus, Minsk, Belarus**

Abstract

Considering the problems of crime prevention, the author reveals the essence of this phenomenon, identifies general social and special prevention, focusing mainly on the latter. The article focuses on the analysis of certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which create the basis for the prevention of crimes. Considering the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the author emphasizes the leading role of punishment as a means of preventing crimes by intimidation, supports the position expressed in the literature that it is impossible to reduce preventive measures to the establishment and practical application of criminal penalties. The article also examines the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in relation to the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation, and notes the formal absence of

a preventive purpose in the criminal procedure legislation. It is said that there is no single coordinator of the state policy on combating crime, and that there is no general statistics that would reflect not only the state of crime, but also the effectiveness of crime prevention policies. The final part of the article summarizes the results, in particular, formulates a proposal to amend the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which also provides for the prevention of crimes as the purpose of criminal proceedings; it states the need to develop a systematic approach to assessing state policy in the field of crime prevention with the prosecutor's office playing a leading role.

Keywords: tasks of the Criminal Code of the Russian Federation, general prevention of crimes, prevention of crimes, special prevention of crimes, criminal law policy, criminal punishment, Criminal Code of the Russian Federation, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Введение

Предупреждение преступлений, согласно ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [1] (далее также – УК РФ), отнесено к числу задач настоящего Кодекса, наряду с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечением мира и безопасности человечества. Поэтому эффективность предупреждения преступлений является одновременно и фактором, и показателем эффективности самого УК РФ. Более того, эффективное предупреждение преступлений уместно расценивать и как одно из условий благополучия государства и общества. Но реальная эффективность предупреждения преступлений в России оставляет желать лучшего, порождая исследовательский интерес к соответствующим проблемам государственной уголовно-правовой политики.

Основная часть

Предупреждение преступлений нельзя назвать эффективно решаемой задачей применительно к России. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 г. были осуждены в порядке уголовного судопроизводства 530 998 чел. Из них две судимости имели 48 512 осужденных, три и более судимости – 45 714 чел. [3] То есть в отношении 17,75% осужденных лиц задача предупреждения преступлений не решается даже в случае применения в отношении них уголовных наказаний.

Здесь уместно привести и данные Института исследований политики в области преступности и правосудия (Institute for Crime & Justice Policy Research, ICPR), согласно которым в России количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, составляет 326 чел. на 100 000 чел. населения, и с этим показателем она занимает 24 позицию среди 223 стран мира. В то же время, например, в Германии в заключении находятся 70 чел. на 100 тыс. чел. населения (178 место), в Канаде – 104 (137 место), в Китае – 119 (126 место), в Великобритании – 131 (117 место) [13]. Приведённые показатели убедительно демонстрируют, что эффективность российской политики по предупреждению преступлений недостаточно высока, в связи с чем вопросы ее обеспечения требуют к себе пристального внимания.

Говоря о сущности предупреждения преступлений, важно подчеркнуть, что она состоит в «воспитании антикриминальных мыслительно-поведенческих «инстинктов» личности» [8, с. 42]; кроме того, «является важной, конечной и идеальной целью не только уголовного наказания, но и уголовного законодательства» [10, с. 79]. Но поскольку реалии любого общества таковы, что полностью исключить все преступные посягательства не представляется возможным, то предупреждение преступлений в качестве цели можно рассматривать лишь условно.

В юридической науке предупреждение преступлений традиционно принято подразделять на общее (общесоциальное) специальное (специально-

криминологическое). Первое состоит в практической реализации таких мер, которые обеспечивают позитивные изменения в социальных процессах в целом и предполагают формирование благоприятной социальной среды. Меры такого рода масштабные, разносторонние, комплексные, они взаимосвязаны друг с другом и непрерывны, могут носить как экономический, так политический, социальный, воспитательный, организационно-управленческий характер [9, с. 64]. Учитывая изложенное, общесоциальные меры можно рассматривать как основу предупреждения преступлений.

Что касается специальных мер предупреждения, то они характеризуются более узкой направленностью и призваны предупредить совершение преступлений только лицами, уже совершившими преступление [11, с. 205]. С другой стороны, специальные меры можно рассматривать и несколько иначе, относя к ним любые меры, которые разрабатываются исключительно в рамках уголовно-правовой политики государства. В таком случае специальные меры ориентированы как на неопределённо широкий круг лиц, так и на конкретных граждан, совершивших преступление. И именно такой подход целесообразно рассматривать в первую очередь, говоря о предупреждении преступлений.

Реализуется такой подход, главным образом, посредством установления и применения норм УК РФ, которым стоит уделить особое внимание. Так, ч. 2 ст. 2 УК РФ предусматривает, что для осуществления задач УК РФ, в числе которых и предупреждение преступлений, устанавливаются основание и принципы уголовной ответственности, определяется круг преступлений, устанавливаются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Причем центральное место здесь занимают именно уголовные наказания.

Ст. 43 УК РФ, трактующая уголовное наказание как меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда за совершение преступления, определяет две цели наказания:

- восстановление социальной справедливости,
- исправление осужденного,

- предупреждение совершения новых преступлений.

Предупредительный механизм действия наказания, по мнению Е. Ю. Сергеевой, связан с устрашением как при установлении самого наказания в уголовно-правовых нормах (общая превенция), так и при его применении за конкретное совершенное преступление (специальная превенция) [10, с. 79]. Однако если учитывать современный гуманистический подход как отечественного законодателя, так и законодателей большинства других цивилизованных государств, устрашение не является главной и единственной основой уголовного наказания. Более того, исходя из законодательных формулировок, данный аспект всеми способами пытаются нивелировать формально, несмотря на его ведущую роль в предупреждении преступлений.

Нельзя не отметить, что «эффективность уголовного наказания означает его способность эффективно достигать провозглашенные законодателем цели наказания в конкретных социально-экономических условиях» [4, с. 169]. В этой связи на вопрос о том, достигают ли наказания, предусмотренные нормами УК РФ, своей цели в части предупреждения преступлений, ответить будет неоднозначным: с одной стороны, в отношении подавляющего большинства лиц, которые не совершают повторных преступлений, наказания достигают своих целей; в части же общей превенции ответ не столь однозначен, так как в этом случае сложно говорить точно, что именно удерживает от совершения преступлений или способствует совершению преступлений, применительно к неопределённому кругу лиц – потенциальная возможность быть привлечённым к уголовной ответственности и понести уголовное наказание или же социальные условия.

Однако в любом случае представляется невозможным сведение предупреждения преступлений к реализации соответствующих задач УК РФ, назначению и применению уголовных наказаний. Нет сомнений в том, что «одно наказание не может быть панацеей против всех преступных проявлений. Уничтожение преступности или существенное ее сокращение возможно

достигать только в связи с устранением причин преступности. Без этого нельзя, невозможно достигнуть желаемого результата. При этом, видимо, нельзя требовать от наказания того, на что одно оно не способно» [7, с. 29–30].

В этом смысле не менее важными представляются и другие аспекты реализации государственной политики, в частности, политики, связанной с рассмотрением соответствующих уголовных дел и реализуемой в рамках уголовного судопроизводства. В этой связи следует обратиться к нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [2] (далее также – УПК РФ), согласно ч. 1 ст. 6 которого, уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Примечательно, что в числе задач, определяющих назначение уголовного судопроизводства, ничего не говорится о предупреждении преступлений, несмотря на явную очевидность значимости предупреждения преступлений для данной сферы правоотношений. Поэтому думается, что законодатель, ограничившись двумя указанными задачами уголовного судопроизводства, допустил серьёзную ошибку, по крайней мере, в части нормативного законодательных основ предупреждения преступлений.

Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие исследователи, в частности, З. Д. Еникеев, отмечающий, что предупреждение преступности является ключевым элементом стратегии борьбы с преступлением, а исключение из норм УПК РФ предупредительной функции уголовного судопроизводства есть серьёзная ошибка. В связи с этим он высказывает мнение о необходимости восстановления в УПК РФ всех тех положений о предупреждении и пресечении преступлений, которые содержало советское уголовно-процессуальное законодательство [6, с. 53].

Изложенное также означает отражает определённые расхождения между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством в части предупреждения преступлений и реализации уголовно-правовой политики, которые целесообразно устранить, обеспечив тем самым согласованность законодательства.

Другая проблема, связанная с предупреждением преступлений, выражается в том, что те решения, которые разрабатываются как на уровне научных исследований, так и на уровне практической реализации государственной политики, относительно быстро утрачивают свою актуальность и эффективность. Это усугубляется и иными смежными проблемами, в частности, неразвитостью профессиональной среды в этой сфере, отсутствием социально-технологической подготовки у потенциальных пользователей технологий предупреждения преступлений и контроля преступности [5, с. 64]. Изложенное означает принципиальную важность максимально быстрой апробации решений, которые разрабатываются в области предупреждения преступлений, их экспериментального ограниченного внедрения и принятия решений о повсеместном применении.

Нельзя не отметить и такую проблему, как отсутствие общего координатора предупредительной деятельности и фактическое отсутствие заказа на разработку концепции Общих основ предупредительной деятельности в России [12, с. 255].

Данная проблема обуславливается наличием множества правоохранительных органов, в частности, МВД России, ФСБ России, ФСИН России, Прокуратуры России, Следственного комитета России, также судебных органов и пр. Причем в рамках этих и других структур зачастую создаются относительно самостоятельные подразделения, специализирующиеся на предупреждении преступлений, в результате чего политика в рассматриваемой сфере оказывается разнонаправленной. С одной стороны, такой подход государства к предупреждению преступлений вполне оправдан, ввиду действия

конституционного принципа разделения властей и создания определенного равновесия даже внутри правоохранительной системы. В то же время говорить о наличии единой и системной политики по предупреждению преступлений не приходится. В настоящее время даже нет единой статистики, которая бы комплексно отражала состояние преступности и эффективность ее предупреждения; результативность тех изменений, которые происходят после тех или иных преобразований законодательства, прежде всего, УК РФ и УПК РФ.

Заключение

Выполненный анализ позволяет выделить ряд проблем, которые препятствуют эффективному предупреждению преступлений. В частности, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, которые бы относили к его назначению предупреждение преступлений. Более того, деятельность по предупреждению преступлений в определённой мере разрознена, ввиду наличия широкого круга правоохранительных органов, каждый из которых по-своему реализует предупредительную политику. Ввиду этого отсутствует и единая статистика, которая бы отражала долгосрочную динамику преступности и эффективность предупредительных мер. Единая политика как на законодательном, так и на подзаконном уровне, тоже отсутствует. Все это не способствует эффективному решению предупредительных задач, обозначенных в УК РФ. И для кардинального изменения ситуации необходимо множество мер.

В первую очередь целесообразно дополнить ч. 1 ст. 6 УПК РФ положением о том, что назначением уголовного судопроизводства также является предупреждение совершения преступлений, обеспечив тем самым согласованность целей (задач) уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Во-вторых, необходимо выработать некий системный подход к оценке государственной политики в области предупреждения преступлений. Он может быть реализован при ведущей роли Прокуратуры. Вместе с тем, данный орган не

должен ограничиваться лишь собственной статистикой, а следует руководствоваться и теми данными, которые представляется всеми органами, так или иначе участвующими в борьбе с преступностью. Лишь в том случае можно говорить о возможности выработки некой системной политики по предупреждению преступлений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 24 янв. 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня; 2022. – 31 янв.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (I ч.). – Ст. 4921; 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 70.
3. О характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2020 г. : отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 15.02.2025).
4. Бытко С. Ю., Варыгин А. Н. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 146–177.
5. Грибанов Е. В. Социальные технологии в криминологической науке и практике предупреждения преступлений // Общество и право. 2020. № 2(72). С. 61–66.

6. Еникеев З. Д. Предупреждение и пресечение преступлений - задача уголовного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1(14). С. 49–54.
7. Зубкова В. И. Объективные возможности уголовного наказания в предупреждении преступлений // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. № 2(2). С. 26–30.
8. Кузьмин Ю. А. Теоретические аспекты предупреждения преступности // *Oeconomia et Jus*. 2020. № 3. С. 40–47.
9. Ларичев В. Д., Исаев О. Ю. Относятся ли общесоциальные меры к предупреждению преступности? Постановка вопроса // Научный портал МВД России. 2011. № 3. С. 64–68.
10. Сергеева Е. Ю. Предупреждение преступлений: законодательство и практика // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 1. С. 78–82.
11. Якушин В. А. Ещё раз о целях наказания // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 2. С. 199–206.
12. Якушин В. А. Проблемы предупреждения преступлений в России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 2. С. 253–260.
13. Institute for Crime & Justice Policy Research: World Prison Brief 2021. URL : www.prisonstudies.org.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 24 yanv. 2022 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; 2022. – 31 yanv.
2. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dek. 2001 g. № 174-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyab. 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 30 dek.

2021) // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii.* – 2001. – № 52 (I ch.). – St. 4921; 2022. – № 1 (ch. I). – St. 70.

3. O karakteristike prestupleniya, ego recidiva i povtornosti po chislu osuzhdenny`x po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii za 12 mesyacev 2020 g. : otchet Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii // *Sajt Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude RF.* URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (data obrashheniya: 15.02.2025).

4. By`tko S. Yu., Vary`gin A. N. Nekotory`e metodologicheskie voprosy` ocenki e`ffektivnosti predupreditel`nogo vozdejstviya ugolovny`x nakazaniy // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki.* 2019. № 43. S. 146–177.

5. Gribanov E. V. Social`ny`e texnologii v kriminologicheskoy nauke i praktike preduprezhdeniya prestuplenij // *Obshhestvo i pravo.* 2020. № 2(72). S. 61–66.

6. Enikeev Z. D. Preduprezhdenie i presechenie prestuplenij - zadacha ugolovnogo sudoproizvodstva // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo.* 2008. № 1(14). S. 49–54.

7. Zubkova V. I. Ob`ektivny`e vozmozhnosti ugolovnogo nakazaniya v preduprezhdenii prestuplenij // *Professional`noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka.* 2021. № 2(2). S. 26–30.

8. Kuz`min Yu. A. Teoreticheskie aspekty` preduprezhdeniya prestupnosti // *Oeconomia et Jus.* 2020. № 3. S. 40–47.

9. Larichev V. D., Isaev O. Yu. Otnosyatsya li obshhesocial`ny`e mery` k preduprezhdeniyu prestupnosti? Postanovka voprosa // *Nauchny`j portal MVD Rossii.* 2011. № 3. S. 64–68.

10. Sergeeva E. Yu. Preduprezhdenie prestuplenij: zakonodatel`stvo i praktika // *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii.* 2020. № 1. S. 78–82.

11. Yakushin V. A. Eshhyo raz o celyax nakazaniya // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva.* 2018. T. 1, № 2. S. 199–206.

12. Yakushin V. A. Problemy` preduprezhdeniya prestuplenij v Rossii // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva.* 2019. T. 1, № 2. S. 253–260.

13. Institute for Crime & Justice Policy Research: World Prison Brief 2021. URL : www.prisonstudies.org.

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences	8
Shcherbik D. ON THE FEATURES OF THE PASSIVE FORM OF LAW IMPLEMENTATION	8
Tursynkulova D.A. ON THE ISSUE OF BARRIERS TO USING NEURAL NETWORKS IN LAW-MAKING ACTIVITIES	19
Tanimov O.V. CORRELATION OF CATEGORIES "DUTY" AND "OBLIGATION" IN THE MODERN THEORY OF LAW	32
Piccirilli J. ON THE DUAL UNDERSTANDING OF THE RIGHT TO WORK IN THE SOVIET STATE-LEGAL DOCTRINE.....	43
Nikonova N.N. ON THE ISSUE OF BINDING FORCE OF RECOMMENDATORY LEGAL ACTS.....	54
5.1.4. Criminal Law Sciences.....	65
Gormley L. THE CONCEPT OF "CRIME" AND THE PROBLEMS OF ITS DIFFERENTIATION FROM AN ADMINISTRATIVE OFFENSE.....	65
Fast O. F. DISCUSSION OF THE DEATH PENALTY IN THE RUSSIAN LEGAL FIELD.....	78
Rajam N. ON THE QUESTION OF THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE	89
Belov V.A. ACTUAL ISSUES OF ESTABLISHING THE AGE OF CRIMINAL LIABILITY	100
Kharevich D.L. CRIME PREVENTION AS A TASK OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION	111